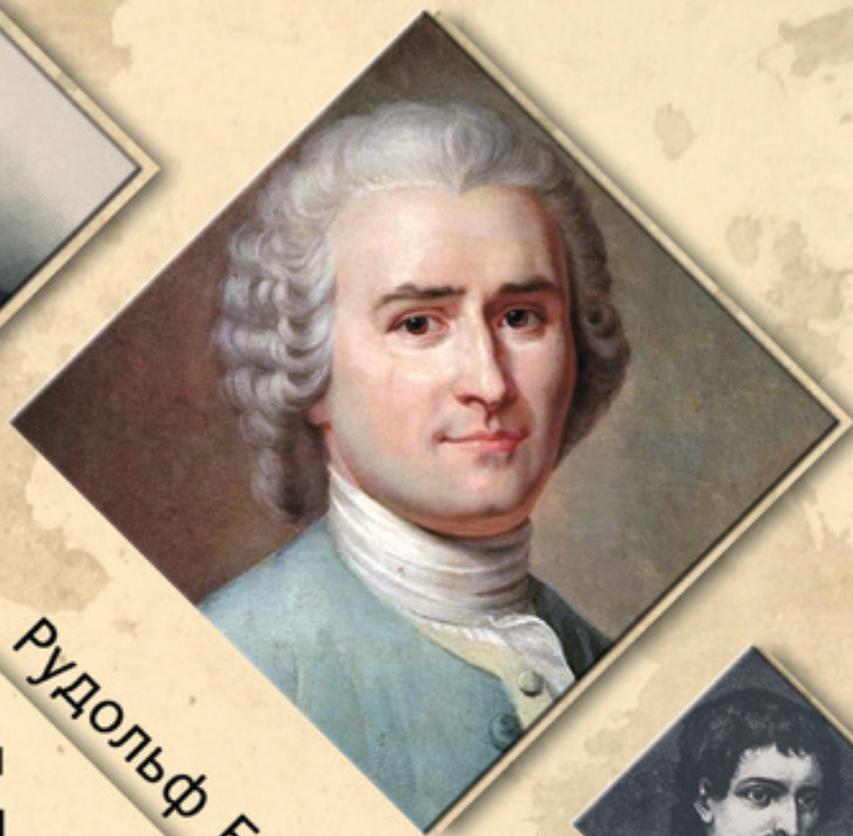

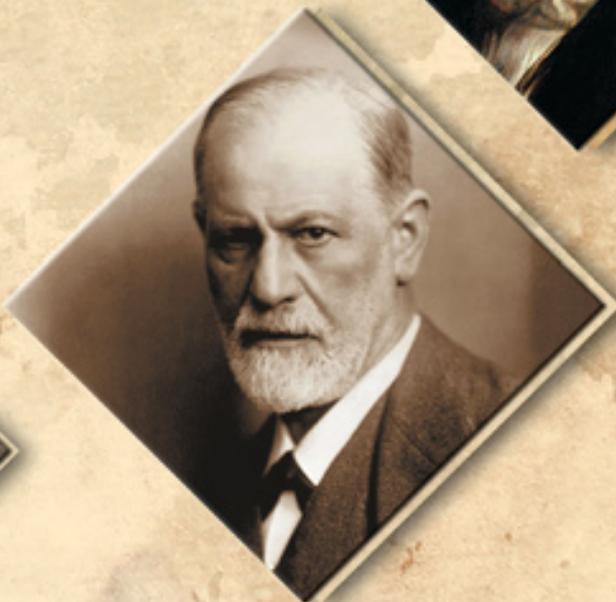
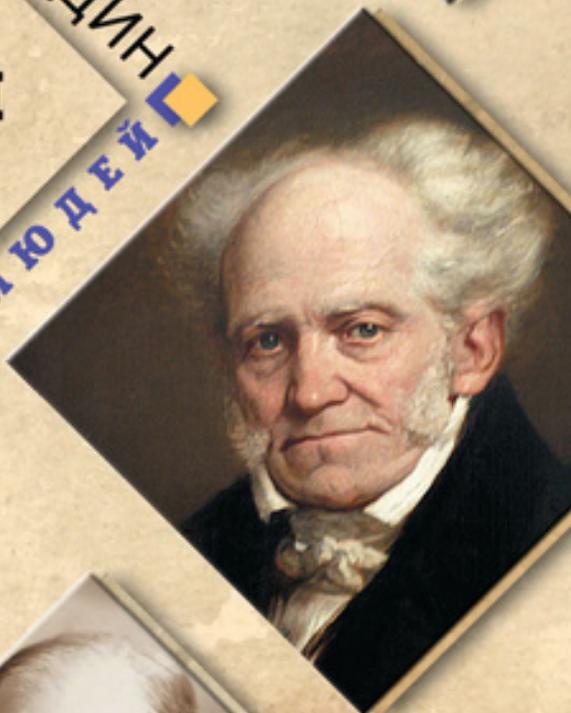
ГОРЕ ОТ УМА?

Причуды
выдающихся
мыслителей

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Рудольф БАЛАНДИН

Странности великих людей

Рудольф Баландин

**Горе от ума? Причуды
выдающихся мыслителей**

«ВЕЧЕ»

2017

Баландин Р. К.

Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей /
Р. К. Баландин — «ВЕЧЕ», 2017 — (Странности великих
людей)

ISBN 978-5-4444-8691-7

В книге Рудольфа Баландина читатель найдет увлекательные рассказы о странностях в жизни знаменитых интеллектуалов от Средневековья до современности. Герои книги – люди, которым мы обязаны выдающимися открытиями и техническими изобретениями. Их гениальные мысли становились двигателем человеческой цивилизации на протяжении веков. Но гении, как и обычные люди, обладают не только достоинствами, но и недостатками. Автор предлагает ответ на вопрос: не способствовало ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

ISBN 978-5-4444-8691-7

© Баландин Р. К., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Пролог. Мудрецы Лапуты	6
1	6
2	7
3	8
4	9
Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)	10
Франц Йозеф Галль (1758–1828)	11
Чезаре Ломброзо (1835–1909)	16
Виктор Кандинский (1849–1889)	22
Зигмунд Фрейд (1865–1939)	31
Глава 2. Странности учёных (естествоиспытатели)	43
Джироламо Кардано (1501–1576)	44
Роберт Гук (1635–1703)	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рудольф Константинович Баландин

Горе от ума? Причуды

выдающихся мыслителей

© Баландин Р.К., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог. Мудрецы Лапуты

1

В этой книге речь пойдёт о странностях интеллектуалов. Этим людям мы обязаны замечательными научными открытиями, техническими изобретениями. Они – передовой отряд цивилизации, наиболее ярко проявляющий качество, которое стало определением нашего вида: человек разумный.

Впрочем, научно-технические достижения наиболее эффективно используются во время войн. Конечно, и для мирного времени кое-что имеется, но от этого род человеческий не становится более человечным.

Так, может быть, не только достоинства, но и недостатки выдающихся мыслителей сказались на характере цивилизации?

Другой вопрос: не помогло ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, способствовать появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

Наконец, можно ли утверждать, что у признанных гениев были какие-то генетические особенности, выделяющие их из обычных «типовых» представителей рода человеческого? Об этом свидетельствует уже то, что гений и гены – слова одного корня.

...Профессия, интеллектуальные пристрастия накладывают свой отпечаток на характер, склад ума. Человек, всерьёз увлечённый какой-то идеей, подчас действительно напоминает маньяка.

2

В своих путешествиях Лемюэль Гулливер, созданный воображением Джонатана Свифта, попал в круг мыслителей дивного летающего острова Лапуты:

«У всех головы были скошены направо и налево; один глаз косил внутрь, а другой глядел прямо вверх. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд попеременно с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары...» – символами гармонии Мироздания.

Они считались тонкими ценителями наук, а потому изображали рассеянность и размышления, недоступные простым смертным.

Интеллектуальная элита, приближённые к власти пребывали в своём «возвышенном» мире. Всё, что требовалось им для безбедной жизни, поставляли те, кто трудился внизу, на земле.

Возможно, насмешка Свифта над мыслителями Лапуты относилась и конкретно к его современнику Исааку Ньютону. Не потому ли один глаз лапутян смотрел в небо, а другой косил внутрь? Ньютон отличался рассеянностью, а кроме научных сочинений, насыщенных геометрическими фигурами и формулами, занимался алхимией и писал богословские трактаты.

3

В «Путешествиях Гулливера» Свифт, которого итальянский психиатр Ломброзо считал сумасшедшим, раскрыл нелепости общества, где лилипуты мнят себя великанами, лошади порядочнее людей, а учёные пребывают в состоянии задумчивого идиотизма.

Человек, предназначенный природой для благородных свершений, считал Свифт, словно дерево, растущее на свободе. Цивилизация обрабатывает его, уподобляя метле:

«Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повернутого вниз головой. Полноте, а что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова пресмыкается во прахе... И всё же при всех своих недостатках провозглашает он себя великим преобразователем мира и исправителем зла».

Свифт показал, какими становятся представители развитых цивилизаций, на примере йеху, ведущих происхождение от одичавших англичан. Они резко отличаются от разумных обитателей этой страны – лошадей. Йеху прожорливы, жадны, завистливы, злобны, жестоки; лебезят перед сильными и угнетают слабых.

4

Поэты, художники, музыканты традиционно отличаются экстравагантными поступками. Создать нечто оригинальное в искусстве способна только незаурядная личность.

У знаменитых учёных, философов, изобретателей, казалось бы, должно преобладать рациональное мышление. Однако о странностях мыслителей известно немало анекдотов. В книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (III век) рассказано о знаменитом астрономе Фалесе Милетском. На его статуе было написано:

Град Ионийский Милет вскормил и воздвигнул Фалеса,
В мудрости старшего всех, в звёзды вперяющих ум.

Говорят, выйдя наблюдать звёзды, он оступился и упал в яму. Прохожие смеялись, вытаскивая его:

– Хочешь познать тайны небес, а не видишь, что у тебя под ногами!

– О, люди, не отрывающие своих взглядов с дороги, чтобы не оступиться, вам нет дела до небес!

Быть может, так отвечал Фалес. История не сохранила его слов. Люди охотнее смеются над мудрецами, чем прислушиваются к их советам.

Говоря о странностях выдающихся мыслителей, мы будем знакомиться с их достижениями. Иначе уподобимся тем, кто посмеивался над Фалесом Милетским. Кто они были? Неизвестно. А слава Фалеса дошла до наших дней через бездну двадцати шести столетий.

Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)

Тяжело переносить долгое общение с психически нездоровым человеком. Он погружён в свои иллюзии. Пытаясь его понять, невольно уходишь в этот мир и чувствуешь, что он тебя заражает своей болезнью.

Психолог, невропатолог и психиатр В.М. Бехтерев называл это «психическим вирусом». Такой возбудитель болезни нематериален, но разве на нас воздействуют только материальные объекты? Наша душа тоже ведь нематериальна.

В подобных случаях сказывается инстинкт подражания, сочувствия. Он в разной мере свойственен всем высшим животным, птицам. Они воспитывают своих детёнышей, которые воспринимают у взрослых необходимые для дальнейшей жизни повадки.

Франц Йозеф Галль (1758–1828)

На одном из парижских кладбищ в августе 1828 года прошли странные похороны. Гроб был заколочен наглухо: у покойника отсутствовала голова. Так проводили в последний путь знаменитого австрийского врача профессора Франца Йозефа Галля. Отсутствие головы у его тела было прямым следствием научных взглядов, которые в ней родились.

Теорию Галля можно свести к афоризму: череп – зеркало души.

По форме головы ещё древние греки и римляне пытались определить качества человека. С той поры укоренилось выражение «лоб Сократа». Крутизна и шишковатость сократовского лба, как предполагалось, отражали великие философские способности. Низкий и широкий лоб считался признаком твёрдости характера (львиные качества), а высокий и узкий – трусости и хитрости.

Франц Галль обследовал сотни голов людей и собирал коллекцию черепов. Увлечённость этими исследованиями побудила его завещать собственный череп для пополнения коллекции. Таким было незаурядное рождение новой области знаний.

Галль назвал её краниологией (по-гречески «кранион» – череп, «логос» – учение). Позже его ученик и соавтор Иоганн Гаспар Шпурцгейм начал использовать термин «френология», который стал общепринятым («френ» – душа, ум).

Австриец Франц Йозеф Галль изучал биологию и медицину в Страсбурге, затем в Вене, где окончил медицинский факультет университета и занимался врачебной практикой. Увлекающаяся изучением мозга, он исходил из нескольких принципов, которые легли в основу френологии:

- Чем крупнее мозг, тем выше интеллект.
- Мозг делится примерно на 27 отделов, и у каждого свои функции.
- Чем более развит данный отдел, тем ярче проявляются его функции.
- Наиболее важную роль играет кора головного мозга; поэтому форма черепа влияет на развитие тех или иных качеств человека.
- По форме и рельефу черепа можно судить о том, какие части мозга развиты или ослаблены. Под выпуклостями находятся скопления нервных клеток соответствующего отдела.

Сначала Галль вёл исследования один, затем с учениками и последователями. Удалось составить нечто подобное «глобусу полушарий головного мозга». На нём были отмечены области, отражающие свойства разума и души человека.

Умственные способности связывались со строением лба. В центре его помещалась область памяти, над ней – сообразительности, чуть в стороне – любознательности, а затем – остроумия. На темени располагались центры: благоволения (гуманности); почтительности, благоговения, твёрдости, упорства. В затылочной области – отзывчивости, осторожности, домовитости, дружелюбия, любви к детям.

Плохие качества показывают шишки, окружающие правое ухо. Над ним – центры разрушительных наклонностей, гневливости; чуть впереди – драчливости; выше – скрытности, хитрости; ещё выше – жадности, накопительства. По некоторым данным, выпуклость перед ухом предопределяла обжорство, а по другим сведениям, где-то в этом районе таился инстинкт самосохранения.

Вообще-то о связи внешности человека с его внутренним миром люди задумывались давно. Как высказался парадоксалист Оскар Уайльд, «только поверхностный человек не

обращает внимания на внешность». В конце XVIII века получила (незаслуженно) титул науки «физиогномика» благодаря солидному труду швейцарского теолога, писателя Иоганна Каспара Лафатера. Ссылаясь на философов и писателей прошлого и на народные приметы, он доказывал, что «лицо – зеркало души».

Капитан корабля «Бигль», на котором Чарльз Дарвин должен был отправиться в кругосветное плавание как натуралист, поначалу отнёсся к нему с предубеждением. «Горячий последователь Лафатера, – писал Дарвин в “Воспоминаниях о развитии моего ума и характера”, – он был убеждён, что может судить о характере человека по чертам его лица, и сомневался в том, что человек с таким носом, как у меня, мог обладать достаточными для совершения путешествия энергией и решимостью. Думаю, однако, что впоследствии он вполне мог убедиться в том, что мой нос ввёл его в заблуждение».

Короткий вздёрнутый нос означал грубость чувств, вздорность, тогда как прямой – спокойность и терпеливость; крупный лоб, согласно френологии, – признак хорошей памяти, ума, а также непостоянства и трусости, а маленький подбородок говорит о робости и слабости. У Дарвина был короткий, чуть вздёрнутый нос, широкий лоб, маленький подбородок. Можно понять знатока физиогномики, увидевшего его лицо.

Френология быстро обрела популярность. Она, как думали многие, имела прочные научные основы. Галль, читая популярные лекции, говорил об особенностях психики человека и на черепах показывал, за какие дарования отвечают отдельные части мозга и как это отражается на поверхности костей.

У него не было отбоя от слушателей. Посмотреть на коллекцию и послушать ученого приходили самые именитые люди Вены. Френология завоевывала всё большее число почитателей. Из Франции сообщали, что Бальзак в восторге от исследований доктора Галля и ждёт от него новых сенсационных открытий.

Деятели церкви и некоторые медики докладывали в министерство внутренних дел Австрии, в полицию, что профессор Галль проводит у себя дома опасные материалистические сеансы, внушая слушателям, что череп человека отражает суть его внутреннего мира, а по внешним данным костей можно судить о характере личности. Френология является лженаукой и может нанести ущерб моральному состоянию общества.

Император Австрии своим указом запретил Францу Йозефу Галлю публичные выступления. Учёный переехал в Берлин, побывал в Швейцарии, Голландии, Бельгии, окончательно обосновавшись с 1807 года в Париже. Везде его лекции шли с шумным успехом.

Оперативно воспользовались френологией писатели. Появилась прекрасная возможность по внешности давать характеристику литературного персонажа. Бальзак в повести «Луи Ламбер» так описал главного героя: «Всем бросалась в глаза его крупная голова. Очень кудрявые волосы красивого чёрного цвета придавали невыразимое очарование его лбу, который казался огромным даже и нам, совершенно не интересовавшимся объяснениями френологии – науки, находившейся тогда ещё в колыбели. Красота лба была необыкновенной, пророческой главным образом благодаря чистой линии надбровных дуг».

Желая обрести признание в среде наиболее авторитетных учёных, Галль в 1808 году представил Парижской академии свою работу «Исследование нервной системы вообще и мозга в частности». Французские учёные дали ей положительную оценку. Однако Наполеон Бонапарт, ставший императором Франции, воспротивился его избранию в академию.

Поговаривали, что причиной такого решения была профессиональная честность Галля, находившего череп Наполеона недостаточно крупным для интеллектуала и свидетельствующим об отсутствии способности к философии. В данном конкретном случае учёный отчасти был прав, но всё-таки научно обосновать френологию оказалось непросто.

Идея Галля о локализации функций организма в разных отделах головного мозга подтвердилась. В 1861 году французский анатом П. Брока, исследуя мозг больного с нарушениями речи, обнаружил дефект задней трети нижней извилины левого полушария. Через десятилетие немецкий психолог К. Вернике определил, что поражение задней трети первой височной извилины левого полушария резко ухудшает понимание речи.

Немецкий анатом К. Клейст на основе конкретных данных составил карту полушарий мозга с указанием очагов счёта, чтения, ощущения боли, движений рук... Эти данные, полученные опытным путём, совершенно не соответствовали предположениям френологов.

Сейчас установлено: основной отдел слуха находится в височных долях, а зрения – в области затылка. Ни один из вариантов френологических карт этого не учитывает.

Мозг – сложная система, способная «на ходу» исправлять неполадки в своей работе. В то же время отдельные качества и способности связаны с определёнными отделами мозга, о чём первыми догадались френологи.

Русский анатом и физиолог XIX века Матвей Волков писал из Парижа московскому издателю А.И. Баландину, что изучение черепа не может дать точных данных о человеке. Он сравнил работу мозга с музыкальным произведением, где чередуются сложные аккорды. Эта идея, как выяснилось через сто лет, была правильной: при умственной деятельности возбуждаются целые серии очагов коры головного мозга.

Появилась эпиграмма (возможно, автор её – Баландин):

У Галля логика хромала.
Его беда, а не вина:
Хотел по форме он бокала
Судить о качестве вина.

Однако для изучения работы мозга френология оказалась полезной. Она поставила перед исследователями ряд перспективных проблем.

Матвей Волков считал изучение черепа стимулом самопознания: «Что, если бы каждый человек посвящал ежедневно по несколько минут одинокой беседе со слепком своей головы, держа в руках курс френологии? Какое бы влияние имел этот обычай на нравственное улучшение человечества!»

Научная критика френологии убедительна. Но как знать, что будет обнаружено при дальнейших исследованиях? Известна связь между строением тела человека и его темпераментом и психикой. Наша физическая и духовная жизнь образует единство. Они находятся в каких-то неявных соответствиях между собой.

Интересные данные о развитии отделов головного мозга были получены в результате изучения слепков черепов наших давних предков. Оказалось, что наиболее активно развивались отделы, связанные с движениями правой руки, речью, а также высшей умственной деятельностью.

Идеи френологии могут возродиться в неожиданных формах. Существует наука геоморфология, исследующая рельеф местности и его происхождение. Специалист, «читая» рельеф, мысленно восстанавливает события далекого прошлого, динамику геологических процессов, особенности развития земной коры в данном районе. Не научатся ли когда-нибудь «читатели рельефа черепа» выяснять потаённые свойства личности?

Такое предположение кажется невероятным. Однако мне довелось убедиться, какими удивительными бывают соотношения физических и духовных особенностей человека.

По канонам хиромантии (гадания по руке) левая ладонь отражает наследственные свойства, правая – приобретённые. В XX веке нечто подобное доказала наука: правое полушарие головного мозга, которое управляет левой половиной тела, ответственно преимуще-

ственно за эмоции, интуицию, врождённые качества, а левое – преимущественно за рассудочную деятельность и приобретённые навыки.

Правда, на этом научные основания хиромантии заканчиваются. Всё остальное – выдумки, не имеющие доказательств. Хотя и тут не так просто.

Оказывается, узоры на пальцах отражают ряд психических и физических качеств. Они могут служить для определения возможностей спортсмена экстра-класса. Используется так называемый дельта-индекс. Он показывает степень сложности кожных узоров на пальцах. Наиболее простой узор – в виде дуги – оценивается нулём, более сложный (петля) – единицей, а завиток или двойная петля – двойкой. В общей сумме для обеих рук можно набрать от 0 до 20 баллов.

В лаборатории спортивной антропологии и генетики Всероссийского НИИ физической культуры многие годы изучали эти показатели наших выдающихся спортсменов. Результаты оказались такими. Низкие значения индекса свидетельствуют о незаурядных скоростно-силовых качествах, необходимых для спринтеров (велотрек, лёгкая атлетика, коньки), средние – о выносливости (лыжное двоеборье, шоссейные велогонки, стайерские дистанции), а высокие – о способности к сложно координированной деятельности (бокс, штанга).

Для представителей игровых видов спорта важно учитывать их конкретную роль в команде. В футболе, баскетболе, волейболе «высокие баллы» присущи защитникам, низкие – нападающим. Конечно, тут нет ничего общего со школьными отметками: чем выше, тем лучше. Для классного нападающего важны скорость, сила и взрывная реакция, тогда как для вратаря, например, главное – умение принимать быстрые решения в сложных ситуациях, обладать отличной координацией движений.

Таковы статистические данные, из которых конечно же немало исключений.

Я проверил на себе эти выводы. Пальцевый индекс получился 16. Он характерен для защитников в баскетболе, вратарей, боксёров. Это точно совпало с моей спортивной судьбой. Выдающихся успехов в спорте не достиг, но с детства предпочитал играть в футбол вратарём и защитником; поступив в волейбольную секцию, вскоре перешёл на баскетбол, играя защитником (поднялся до первого разряда), и увлекался боксом, несмотря на то что не был забиякой, а даже от несильных ударов из носа у меня шла кровь. Выходит, моим выбором в спорте руководили... узоры на пальцах!

Выдающийся чешский физиолог Ян Пуркине опубликовал книгу, в которой дал первую классификацию пальцевых узоров. Претворил теорию в практику англичанин Френсис Гальтон. Когда весной 1905 года на окраине Лондона были обнаружены два окровавленных трупа владельцев лавки, пожилых супругов, этот метод был впервые опробован на практике.

Против двух подозреваемых, братьев, были лишь косвенные улики. Эти громилы смеялись, как от щекотки, когда у них стали брать отпечатки пальцев. Но вскоре им стало не до смеха. Оттиск большого пальца одного из братьев точно соответствовал оттиску на окровавленной шкатулке. Судья приговорил преступников к повешению. Они, потеряв самообладание, стали упрекать друг друга, чем подтвердили справедливость приговора.

Но можно ли по отпечаткам пальцев (так же как по форме черепа, что утверждал Франц Гальль) судить заранее о преступных наклонностях человека? Нет, невозможно.

Впрочем, некоторые результаты интересны сами по себе. Скажем, в среднем пальцевый индекс европейцев ниже, чем у чукчей. Если вспомнить о спортивной специализации, то получается, что у чукчей должно быть развитым «многовариантное» мышление, умение принимать верные решения в экстремальных ситуациях, в отличие от жителей Европы.

Трудно судить, как связаны духовные свойства людей с отпечатками пальцев. Но то, что такая связь имеется, пусть даже неабсолютная, можно предполагать. И если кончики

пальцев могут немало сказать о возможностях и способностях человека, то ладони – тем более. Что уже тогда говорить о конструкции черепа!

Однако узор кожи пальцев или ладоней, форма и объём черепа не определяют ум, характер и судьбу человека. Они зависят от многих факторов, среди которых врожденные качества имеют косвенную, а то и незначительную роль.

...После первых десятилетий XX века френология, хиромантия, физиогномика, не говоря уже об алхимии, астрологии, стали считаться большинством просвещённых людей «лженауками». Это справедливо по отношению к тем лжеучёным, которые выдают их за подлинные науки, а также к доверчивой суеверной публике, охотно верящей шарлатанам.

С позиций истории знаний ситуация иная. Научные исследования начинаются обычно с гипотез, наблюдений, экспериментов, со сбора и классификации фактов. Поначалу трудно понять, какие идеи верны. Надо рассматривать разные варианты и сопоставлять их с имеющимися фактами.

Когда речь идёт о психических и умственных способностях человека, ситуация особенно сложна. Каждый из нас обладает огромным набором качеств, порой противоречивых и проявляющихся в разной степени в зависимости от конкретных внутренних и внешних условий. Личность пластична, «симфонична», как говорил русский философ Лев Платонович Карсавин.

Этим объясняется успех френологических и астрологических характеристик: всегда можно подобрать из многих возможных сочетание качеств личности, которое тебе кажется верным.

Так автор становится зависимым от своего творения. Он стремится подтвердить его во что бы то ни стало. Эта установка не оставляет ему возможности для сомнений. В некоторых случаях учёные шли на невольные подлоги, толкуя сомнительные факты в свою пользу или «подправляя», подделывая результаты экспериментов.

Франц Йозеф Галль, оставляя потомкам свой череп, надеялся, пожалуй, что они, изучая его рельеф, убедятся, как сильно развиты у него области ума и склонности к философии. Но даже имея эти качества, нельзя сделать подлинное открытие, если научный метод использован некорректно.

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Когда талантливый человек сильно увлечён своей идеей, он становится похожим на маньяка. Это в большей степени, чем у Франца Йозефа Галля, проявилось у итальянского психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо. В книге «Гениальность и помешательство» он стремился доказать сходство этих двух качеств, выискивая признаки безумия едва ли не у всех великих людей.

Как профессионал он имел дело по большей части с преступниками и сумасшедшими. Тут действительно можно разувериться в достоинствах рода человеческого, включая его наиболее славных представителей.

1 января 1882 года в предисловии к четвёртому изданию своей книги, пользовавшейся «бешеной популярностью», Ломброзо вспоминал: «Когда, много лет назад, находясь как бы под влиянием экстаза, во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги» (её первое издание вышло в 1863 году).

Выходит, на него нашло озарение. Сам он подобные случаи относил к явлениям ненормальным. Более существенно, что он воспринял идею «с полной очевидностью». Это уже похоже на манию.

Вообще-то идею эту высказал задолго до него французский психиатр Луи Франсуа Лелю в книгах о Сократе и Паскале. И если у Паскаля действительно были болезненные явления, то крепыша Сократа он «изобличил» в том, что тот сослался на демона, который подсказывает ему верные мысли. Хотя этого демона следует, пожалуй, толковать не как видение извне, а как внутреннее прозрение.

Когда исследователь подбирает факты, подтверждающие его гипотезу, не принимая во внимание опровержения и не давая волю сомнениям, вместо научной объективной работы получается подгонка под готовый ответ.

Такое увлечение характерно преимущественно для дилетантов, «непризнанных гениев». Но Чезаре Ломброзо был профессионалом и много занимался практической деятельностью.

Родился он в Северной Италии (она входила в Австро-Венгерскую империю), в еврейской зажиточной семье. Отец торговец постарался, чтобы сын получил высшее образование. После окончания гимназии Чезаре поступил в университет города Павии; изучал антропологию, психиатрию и нейрофизиологию.

Учился он прилежно. Интересуясь особенностями представителей разных рас, осваивал иностранные языки, включая арамейский и китайский. Во время студенческих выступлений за освобождение Италии его арестовали. В тюрьме находился недолго. Но именно тогда на него произвели сильное впечатление преступники, резко отличавшиеся по своему поведению от привычных для него интеллигентов.

В то время (середина XIX века) в Европе была популярна гипотеза передачи по наследству психических и умственных особенностей. Даже Чарлз Дарвин, развивавший теорию естественного отбора, отмечал, что у потомственных рабочих более крупные и грубые руки, чем у аристократов.

Казалось бы, физические показатели – это одно, а умственные и моральные – другое. Но не исключена связь физических и духовных признаков. Многие антропологи и почти все френологи склонялись к мнению, что у «диких народов» строение черепа свидетельствует о слабом развитии высших умственных способностей.

Противоположное мнение высказал французский психиатр Бенедикт Огюст Морель: человек был изначально создан как совершенное создание по образу и подобию Бога. Но со времени грехопадения, убийства Каином брата Авеля и с прогрессом цивилизации люди стали вырождаться.

...Во время войны итальянцев за независимость Ломброзо служил военным врачом в итальянской армии. С 1862 года читал лекции в медицинском факультете Павийского университета, заведовал психиатрической клиникой в Пезаро. В 1876 году стал профессором судебной медицины и общественной гигиены в Туринском университете. Тогда же издал свою монографию «Преступный человек».

По канонам популярной в ту пору френологии строение черепа предопределяло особенности психики человека. Ломброзо разделял эти взгляды. Он полагал, что существует преступный тип человека, отражённый в его внешних признаках. У таких людей преобладают черты дикарей. Таких людей нет смысла перевоспитывать. От них надо избавляться.

Получалось, что можно по строению черепа и тела ребёнка выявлять будущих преступников, изолируя их от общества или даже убивая. Теория, удобная для тех, кто мнит себя избранными, получившими, как Ломброзо, высшее образование или почётные звания и награды.

Революционеров, политических преступников он тоже считал ненормальными. Ведь обычный человек стремится сохранить установленный порядок, а не уничтожить его. Любовь к переменам – психическое заболевание с тяжёлыми последствиями для общества.

Такая точка зрения причисляет всех новаторов к патологическим типам, чем бы они ни занимались. Таков подтекст книги Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными».

Он заочно, по косвенным сведениям и слухам, ставил диагнозы многим выдающимся мыслителям. «О гениальных людях, – писал он, – точно так же, как о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, *что его искусство заменяет ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали нечто худшее».

На это можно ответить: ничего не поделаешь, горные вершины стоят одиноко, тогда как равнины плоски и протяжённые. Хотя известно немало выдающихся людей, которые не были ни одинокими, ни холодными и равнодушными, а вовсе даже наоборот.

Иные суждения Ломброзо вызывают недоумение. «Нередки случаи, – полагал он, – когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных».

Сильный удар может только нарушить работу тонко организованной системы головного мозга, подобно тому, как удары молотком по электронной машине не улучшат её работу.

В издании этой книги Ломброзо на русском языке (1902) сделано примечание: «Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребёнком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после этого способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось».

Странный способ улучшить здоровье человека и усилить его ум: пробить голову камнем. Одно то, что Макарий поступил в семинарию, говорит о его здоровом уме. (Хорошенькие игры семинаристов, когда камнем пробивают голову!) По-видимому, побывав на больничной койке под наблюдением врача, Макарий окреп и всерьёз занялся учёбой».

Чезаре Ломброзо нашёл у Джонатана Свифта тяжёлый психический недуг. «Свифт, – писал он, – будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о любовных похождениях Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдникам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам».

Судя по этому высказыванию, Ломброзо не понимал смысла сатиры (что характерно для людей с психическими отклонениями). Ведь если, к примеру, олигархи ненасытно накапливают миллионы, миллиарды долларов, тогда как сотни тысяч русских малолеток превращаются в безграмотных бродяжек, наркоманов и проституток, разве это не пожирание детей бедняков?

У Ломброзо были серьёзные претензии к английскому сатирику: «Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишённой листвы, и сказал: “Я точно так же начну умирать с головы”. До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания... Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей – так он охарактеризовал сам себя.

Непоследовательность в нём была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма “*О слугах*”. Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провёл один, никого не видя, ни с кем не разговаривая, ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказываясь от мяса. Однако после появления у него чирьев он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: “*Я сумасшедший*”, но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впадал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нём даже и после потери рассудка, ещё вспыхивали порою. Так, когда в 1745 году устроена была в его честь иллюминация, он прервал своё продолжительное молчание словами: “Пускай бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума”».

Справедлив ли диагноз, поставленный Свифту? Вряд ли. Любые высказывания и события Ломброзо толкует по-своему, стремясь доказать полюбившуюся идею. Он не замечает других вариантов объяснений.

Скажем, если дерево лишается листьев с вершины, то этим его, естественно, уподобить лысеющему человеку, а не умалишенному. Чувство собственного достоинства проявляет человек именно в общении с высокими чинами, и в этом отношении поведение Свифта совершенно нормально.

Глубоко переживая смерть любимой жены, вовсе не обязательно целыми днями рыдать и стенать. Порой именно труд помогает перенести тяжесть потери. А остроумие (несвойственное Ломброзо) указывает на здравый рассудок, в отличие от заикленности на одной идее без критического её осмысления.

В заключении своей книги Ч. Ломброзо несколько смягчает свой обвинительный тон. Он даже не замечает, что противоречит отчасти себе, когда пишет: «Если бы гениальность всегда сопровождалась сумасшествием, то как объяснить себе, что Галилей, Кеплер, Колумб, Вольтер, Наполеон, Микеланджело, Кавур, люди, несомненно, гениальные и притом подвергавшиеся в течение своей жизни самым тяжёлым испытаниям, ни разу не обнаруживали признаков умопомешательства?»

Однако прежде Ломброзо находил признаки психического нездоровья у Наполеона и Микеланджело. Очередной пример обращения с фактами по своему произволу.

После перечисления явных и сомнительных психических отклонений знаменитых людей Ломброзо пришёл к выводу: «Возможно ли на основании вышеизложенного прийти

к заключению, что гениальность вообще есть не что иное, как умопомешательство? Нет, такое заключение было бы ошибочным. Правда, в бурной и тревожной жизни гениальных людей бывают моменты, когда эти люди представляют сходство с помешанными, и в психической деятельности тех и других есть немало общих черт, например, усиленная чувствительность, экзальтация, сменяющаяся апатией, оригинальность эстетических произведений и способность к открытиям, бессознательность творчества и употребление особых выражений, сильная рассеянность и склонность к самоубийству, а также нередко злоупотребление спиртными напитками и, наконец, громадное тщеславие.

Правда, в числе гениальных людей были и есть помешанные, точно так же, как и между этими последними бывали субъекты, у которых болезнь вызывала проблески гения; но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило бы впасть в громадное заблуждение и повторить, только в ином смысле, ошибочный вывод дикарей, считающих боговдохновенными людьми всех сумасшедших».

Ломброзо считал главными качествами гения: «усидчивость, прилежание, твёрдость характера, внимательность, аккуратность, память». Он верил во френологию. Перечисляя гениев (Спиноза, Бэкон, Галилей, Вольтер), отмечал: «Все они отличались сильным, но гармоничным развитием черепа, что доказывало силу их мыслительных способностей, сдерживаемых могучей волей».

В то же время он привёл сведения о двух десятках людей (в большинстве случаев заурядных учёных), сделав иной вывод: «Гениальные способности часто развиваются в ущерб каким-нибудь психическим сторонам, мы можем предположить, что гениальность сопровождается аномалиями того самого органа, на котором зиждется слава гения».

К суждениям Ломброзо о гениальных людях, на мой взгляд, нельзя относиться серьёзно. Статистических выкладок у него не было. Он подбирал сведения, подтверждающие его гипотезу вместо объективного анализа. Критерии гениальности у него были расплывчатыми.

Один из множества фактов, опровергающих связь умственных способностей с ёмкостью черепа: у остроумного и умного писателя Анатоля Франса масса мозга была всего лишь 1017 г. А у одного психически больного мозг был в два с половиной раза тяжелее.

Более обоснованно, чем о гениях, высказывался Ломброзо о преступниках, которых наблюдал в немалом количестве. Обследование подозреваемых в преступлениях подвигло его на создание первого в мире «детектора лжи».

Как показали исследования кровообращения итальянского физиолога Анджело Моссо, умственное напряжение и эмоции сказываются на работе сердца и кровеносных сосудов. Когда человек испытывает страх, у него резко учащается пульс и повышается кровяное давление. (В момент опасности организм напрягает силы, чтобы ей противостоять.)

Однажды Ломброзо подключил прибор гидросфигмометр (от греческого «сфигмос» – пульс) к подозреваемому в ограблении. Во время допроса его пульс и кровяное давление не менялись. Следователь сменил тему и заговорил о мошенничестве с чужими паспортами. Показатели прибора тотчас изменились. В дальнейшем выяснилось, что этот человек действительно был мошенником, а не грабителем.

Ну а как же с «преступным человеком»? Может ли череп или лицо свидетельствовать о криминальных наклонностях человека?

Чтобы внушать доверие, жулик должен иметь respectable внешность, благородное лицо и честный взгляд, хороший автомобиль (мне встретились три таких человека). Это предположение подтверждают психологические эксперименты. Правда поговорка: «по одежке встречают»

Человек, обладающий высоким титулом, в глазах публики выглядит значительно выше ростом, чем на самом деле. В австралийском колледже в разных классах одного и того же человека представляли студентом Кембриджа, лаборантом, лектором, аспирантом, профессором. После его ухода учащихся просили оценить его рост. Как пишет американский психолог Роберт Чалдини: «При каждом повышении статуса “английский гость” вырастал в глазах студентов в среднем на полдюйма, так что в качестве “профессора” он выглядел на два с половиной дюйма выше, чем в качестве студента».

По цифрам, показывающим рост политического деятеля, можно предположить, кто и зачем их привёл. Так, в Интернете приведены такие сведения: «У Владимира Путина рост 1 метр 70 см, у Дмитрия Медведева – 1,62 м. У Ленина рост был 164 см, у Сталина – 1,63 м». Те, кто видел стоящих рядом Путина и Медведева, мог бы убедиться, что они практически одинакового роста и вряд ли выше 165 см. У Сталина в молодые годы царская охранка определила рост 174 см. Если он был обут, можно считать 172 см. По тем временам – выше среднего для мужчины. А ныне его хулители (обычно низкорослые) называют Сталина едва ли не карликом.

Полтора десятка лет назад увидевшая В.В. Путина восторженная служащая Новосибирского академгородка высказалась о нём: «Молодой, высокий, красивый». Да, молодой в сравнении с Ельциным, но высокий и красивый...

Следует судить о человеке по делам, а не по внешним признакам. Наши умственные, нравственные, психические особенности не предопределены формой головы или конструкцией тела. Хотя некоторые предпосылки для такой связи имеются. На такое мнение нацеливает, в частности, книга немецкого психиатра и невролога Эрнста Кречмера «Строение тела и характер» (1924).

Впрочем, и тут остаются сомнения. Трудно учесть все обстоятельства детства и жизненного пути любого человека. На врождённые качества накладывают печать социальная среда, воспитание и образование, семья, друзья, чрезвычайные ситуации.

Остаётся непростой вопрос Бенедикта Огюста Мореля о деградации рода человечества по мере успехов цивилизации.

В последнее десятилетие XIX века во Франции вышла книга врача, писателя и деятеля сионистского движения Макса Нордау (Симона Зюдфельда) «Вырождение». Посвящая её Чезаре Ломброзо, автор писал: «Понятие о вырождении, первоначально научно обоснованное Морелем и гениально разработанное Вами, дало... богатые плоды в самых разнообразных областях знания». Но, по его мнению, «процесс вырождения распространяется не только на преступников, проституток, анархистов и умалишённых, но и на писателей и художников».

Макс Нордау назвал больным «если не всё цивилизованное человечество, то, по крайней мере, высшие слои населения больших городов». Перечислил признаки умственного расстройства: мистицизм, неспособность к сосредоточенному вниманию и ясному мышлению; господство эмоций над рассудком; самовлюблённость; извращение инстинктов; погоню за сильными эмоциями с преобладанием физического над духовным; склонность к скабрёзности и пошлости.

Он не утверждал, что все люди становятся такими, подчёркивая общее направление деградации. Упомянул о половых извращениях и психопатиях, предполагая в дальнейшем закон, разрешающий вступать в брак людям одного пола. Стыдливость и благопристойность станут предрассудками. «Книги в настоящем своём виде выйдут из моды»...

Его прогноз на XX век: «Нынешняя истерия продержится недолго. Народы оправятся от неё. Слабые, выродившиеся субъекты погибнут, сильные приспособятся к успехам цивилизации или подчинят их своим органическим силам».

В одном можно согласиться с Нордау: искусство в значительной мере выражает духовное состояние общества и может считаться диагнозом серьёзных психических аномалий. Но процесс вырождения, если он связан со структурой и эволюцией цивилизации, не исчезнет из-за выживания «наиболее приспособленных» (у кого капиталы и власть), ибо существующее положение их вполне устраивает.

После Первой мировой войны принципы социодарвинизма, о которых писал Нордау, обрели экстремальную форму в идеях и поступках немецких фашистов. Они старались «очищать расу», утверждали своё физическое и умственное превосходство... и деградировали в убийц и поработителей. Война не делает людей лучше.

XX век развеял многие иллюзии о прогрессе общества. Известно, что и болезни могут прогрессировать. Колоссальное развитие техники очевидно. Растёт число наркоманов, больных СПИДом, психически больных, людей с генетическими аномалиями. Техническая цивилизация подавляет и деформирует не только земную природу, но и личность человека по своему образу и подобию, как столетие назад отметил философ Николай Бердяев.

Виктор Кандинский (1849–1889)

Человек двигался по коридору, согнув колени, вытягивая вперед корпус, как бы с трудом прокладывая себе дорогу руками. На лице его застыло выражение ужаса. На вопросы посторонних он не реагировал: находился в своём особом мире.

Это был один из пациентов психиатрической лечебницы. Когда его сознание вернулось в тот мир, который мы называем реальным и объективным, он объяснил врачу, что пытался выбраться из желудка крокодила. Образ гигантской рептилии, якобы обитавшей в канале рядом с больницей, давно его тревожил (дело происходило в Санкт-Петербурге около 140 лет назад).

Виктор Хрисанфович Кандинский, описавший этот случай, не упомянул о причине столь странной для русского обывателя патологии воображения. Возможно, так подействовала на читателя сатира Ф.М. Достоевского «Крокодил», повествовавшая в стиле репортажа о проглоченном крокодиле петербуржце. Этот образ мог пробудить и усилить детские переживания при чтении притчи об Ионе, проглоченном китом.

Каждый из нас имеет колоссальный запас образов, мыслей, сведений, который хранится в памяти вне ясного сознания. Они возникают в нём, как бы выходя на свет из тёмных кладовых, порой благодаря усилению воли, иногда неожиданно, как озарение.

Наиболее явно они проявляются в сновидениях. Трудно понять, как возникли образы, явившиеся во сне, почему они связались в определённый сюжет. В некоторых случаях человек испытывает как бы сон наяву. Фантастические видения (псевдогаллюцинации, по В.Х. Кандинскому) подавляют его волю, сознание, и он действует под их влиянием.

«Наше обычное бодрствующее сознание, или рациональное сознание, как мы его называем, – писал американский психолог и философ Уильям Джемс, – есть не что иное, как ещё один особый тип сознания, в то время как повсюду рядом с ним, отделённые от него тончайшей перегородкой, находятся потенциальные формы сознания совершенно иного».

Это и есть то, что называют подсознанием, областью бессознательного. Она сложно организована и связана с инстинктами, переживаниями детства и даже пренатального (предродового) периода.

У людей с неустойчивой психикой в какой-то момент рассудок теряет контроль над образом, укоренившись в глубинах подсознания. Словно демоны, возникшие из небытия, овладевают душой человека, увлекая её в воображаемый мир. Под влиянием внутреннего или внешнего сигнала больной переходит в изменённое состояние сознания (ИСС), вплоть до полного погружения в мнимую реальность. Сигналы органов чувств искажаются в мозгу в угоду всесильной (на данный момент) установки.

Исследования Кандинского, специалиста-психиатра, были бы обыденны, если бы не одно обстоятельство: он сам во время душевного недуга испытал острейшие псевдогаллюцинации (понятие, введённое им в психиатрию), подробно рассказав о них в научной монографии.

«Имеv несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством, – писал он, – и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

Психических отклонений в детстве и юности у него не отмечалось. Родился он в Забайкалье, в семье купца первой гильдии, с отличием окончил в Москве гимназию, хорошо учился на медицинском факультете университета, работал во Временной (2-й Градской) больнице ординатором. Писал научные статьи преимущественно по гигиене и санитарии.

Осенью 1876 года оформился на Черноморский флот младшим судовым врачом, участвовал в русско-турецкой войне.

Ужасы войны, выпивка и временами употребление наркотиков сказались на его состоянии. У него начались психические срывы, он пытался совершить самоубийство, бросившись в море. Его поместили в лечебницу.

Выздоровев, он женился в 1878 году на медсестре Елизавете Карловне Фреймут. С 1881 года он работал старшим ординатором в психиатрической лечебнице св. Николая в Петербурге. Был трудолюбивым, внимательным к окружающим, проводил научные исследования.

Были опубликованы и две его философские работы: «Современный монизм» и «Общепонятные психологические этюды». Он утверждал единство материи и сознания, признавая реальность внешнего мира. По его словам, «мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе, как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность, свойственную в большей или меньшей степени всем живущим существам животного мира... Мысль есть функция мозга».

Последнее утверждение требует дополнения. Сам по себе мозг не может создать мысль. Он её производит только после обучения. Тем более, когда эта мысль выражена словом.

Кандинский вёл большую практическую и теоретическую работу, в частности по судебной психиатрии. От переутомления у него бывали бредовые видения. Он и сам их вызывал, проводя опыты над собой.

В процессе этих опытов он всё чаще применял наркотики, главным образом опий. Возможно, у него возникла наркотическая зависимость, хотя он убеждал себя, что это всего лишь неизбежные последствия научных экспериментов. (Обычно рассудок подчиняется эмоциям и старается оправдать даже неблагоприятные поступки.)

«О благодатный, нежный и всесильный опиум! Ты, проливающий целительный бальзам в сердце бедняка и богача, утоляющий боль ран, которые никогда не зарубцуются, и муки, которые вызывают бунт духа. Красноречивый опиум!.. Ты, только ты даёшь человеку эти сокровища, ты обладаешь ключами рая, о благодатный, нежный всесильный опиум!»

Так писал английский писатель Томас Де Квинси в повести «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (1821). Для него наркотический рай со временем стал адом. Его стали посещать страшные видения, он испытывал физические муки. Возможно, нечто подобное происходило с Кандинским. Он чувствовал, что сходит с ума.

Со временем было всё труднее справляться с болезнью. Чувствуя приближение одного из приступов, Виктор Хрисанфович принял смертельную дозу опия и лег на диван, читая повесть Льва Толстого «Казачьи сыновья»...

В истории психиатрии он остался самым необычным учёным: одновременно пациентом, врачом и исследователем болезни. «Имея несчастье, – писал он, – в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

После его смерти жена его Елизавета Карловна позаботилась об издании двух его работ и покончила с собой. Детей у них не было.

В научной статье он представил себя так: «Мих. Долинин, 38 лет от роду, бывший артиллерийский офицер, а потом военный врач, был болен галлюцинаторным первично-бредовым психозом (*paranoia hallucinatoria*); болезнь имела сначала подострый характер, но потом получила более хроническое течение. Он был так любезен, что устно сообщил мне массу любопытных наблюдений как относительно слуховых галлюцинаций, так и относительно различного рода псевдогаллюцинаторных явлений».

Впоследствии Долинин с большой готовностью отдал себя в моё распоряжение для некоторого рода маленьких экспериментов; именно, угощая его по временам, на ночь или в течение дня, опиум или экстрактом индийской конопли, я вызывал у него очень живые, так называемые гипнагогические галлюцинации и потом получал от него подробное изложение сделанных им в это время наблюдений. Путём таких экспериментов нам удалось довольно порядочно изучить те галлюцинаторные и псевдогаллюцинаторные явления, которые бывают испытываемы многими здоровыми людьми в состоянии, переходном от бодрствования ко сну.

Вследствие новых умственных эксцессов, может быть, частью и под влиянием вышеупомянутых опытов искусственного вызывания псевдогаллюцинаций и галлюцинаций (между прочим Долинин по собственной инициативе добился одно время умения *произвольно* вызывать у себя галлюцинации слуха, по характеру совершенно однородные с теми *непроизвольными* слуховыми галлюцинациями, которыми он страдал во время болезни), у Долинина в начале 1883 года без всяких особенных причин внезапно вспыхнуло острое галлюцинаторное расстройство со смешанным бредом преследования и величия».

Другим пациентом психиатрической лечебницы, на которого не раз ссылался Кандинский, был бывший врач Лашков. По-видимому, и в этом случае было наблюдение над самим собой. Вот один из примеров описания:

«Коллега Лашков во время своей болезни был постоянно мучим галлюцинациями слуха и осязания и, кроме того, имел обильные псевдогаллюцинации, в особенности в сфере зрения. Однажды он вдруг услышал между голосами своих преследователей (“из застенка”) довольно громкий голос, который настойчиво и медленно, с отдельностью по слогам, произнес: «пе-ре-ме-ни под-данство!» Поняв это внушение так, что у него единственное средство к спасению – перестать быть подданным русского царя, больной на минуту задумался, какое подданство лучше, и решил, что всего лучше быть английским подданным.

В этот самый момент он *псевдогаллюцинаторно* увидел в натуральную величину льва, который, на секунду явившись перед ним, быстро забросил свои передние лапы ему на плечи; прикосновение этих лап живо почувствовалось больным в форме довольно болезненного местного давления (галлюцинация кожного чувства). Вслед за этим явлением “голос из простенка” сказал: “Ну, вот тебе лев... теперь ты будешь императорствовать”.

Тогда больной вспомнил, что “лев есть эмблема Англии”. Образ льва явился перед Лашковым весьма живо и отчётливо, однако больной очень хорошо чувствовал, что видит льва, как он сам после выразился, “не телесными, а духовными очами”. Поэтому он нимало не испугался льва, несмотря на то что ощутил прикосновение его лап. Путём соображения больной пришел к убеждению, что льва ему “нарочно *показали*, с целью дать понять, что с этого момента он будет под покровительством английских законов”. Если бы лев явился Лашкову в настоящей галлюцинации, то больной, как он сам говорил мне по выздоровлении, сильно испугался бы и, может быть, даже закричал бы или бросился бежать. Если бы лев был простым зрительным образом, то Лашков не придал бы ему, как продукту собственной фантазии, никакого отношения к галлюцинаторным голосам, в объективном происхождении которых он в то время был твердо убеждён».

Подробный анализ собственных видений и наблюдения за больными привел его к обоснованию явления псевдогаллюцинации.

По его словам, галлюцинация – это возбуждение «центральных чувствующих областей» мозга, не зависящее от внешних впечатлений. Возникает «чувственный образ, представляющийся в воспринимающем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений».

Псевдогаллюцинации проецируются не во внешнем пространстве, а во внутреннем: слышатся голоса как бы «внутренним слухом», видения воспринимаются «умственным взором».

Галлюцинации для больного – это сама действительность. А псевдогаллюцинации переживаются как субъективное явление. Обычно больной не перестаёт ощущать себя в текущей реальности. Так, Лашков не испугался мнимого льва, хотя чувствовал прикосновение его лап.

В отличие от воспоминаний, псевдогаллюцинации яркие, отчётливы, а образы являются в мельчайших деталях стойко и непрерывно. Эти явления возникают и пропадают независимо от воли больного.

Часто они носят навязчивый характер. Больные жалуются, что им «насильно показывают картины», «вызывают звучание мыслей»; что они «действуют помимо воли языком, говорят слова, которые не хотели произносить», а «руками, ногами, телом кто-то действует». Происходит отстранение от своей личности. Больные чувствуют, будто «забирают их мысли и включают другие».

В одном из бредовых состояний Кандинский вообразил себя лидером китайской революции, направленной на установление в стране конституции. Он был главой партии, куда входили некоторые государственные деятели и просвещённые мандарины. С простым народом из разных слоёв общества он общался телепатически, чувствуя их мысли и чаяния.

Когда под окнами его квартиры проходили люди, он слышал их слова, но чаще воспринимал их пожелания мысленно. Его мозг служил для заговорщиков подобием центральной телеграфной станции, куда поступали сообщения из разных мест Китая.

Как всякого заговорщика, его окружали не только сообщники, но и могущественные хитроумные враги. Их шпионы старались перехватывать его мысли телепатически. Порой он слышал их голоса. Пришлось придумать специальный аппарат «психораспределитель». Он, как писал Кандинский, «являлся внутреннему зрению Долинина закрытым столом, наверху с большой квадратной доской из чёрного дерева, на которой устроены замыкатели, избиратели, коммутаторы для громадной массы гальванических цепей... Параллельно ходу своей мысли (вернее, фантазии, так как в это время больной уже *не мог мыслить иначе, как в живо чувственной образной форме*) почти совершенно вышедший из-под контроля воли Долинин в своём зрительном представлении оперировал обеими руками на «распределителе»».

Он передавал соратникам свои мысли, мешая шпионам их перехватить. Однако противники узнали кое-что из его распоряжений и приняли свои меры. Но у Долинина был дар всевидения. Ходя по своим комнатам, он внутренним взором видел всё, что творилось на улицах столицы Китая, во дворце богдыхана и в верховном совете мандаринов, где обсуждают конституцию. Здание совета окружают пехотинцы; на площади стоят пушки, но противники реформы вывели на улицы несколько полков.

Находясь в своей квартире, Долинин (Кандинский) «видел» бои на улицах, слышал выстрелы пушек и ружей, звон сабель. Наконец, благодаря мудрым распоряжениям Долинина была одержана победа...

Рассудок больного, не утративший логики, поддерживал установку подсознания на китайскую революцию, придумывая изошрённые средства коммуникации. Даже явная фантастика воспринималась им как нечто само собой разумеющееся.

Домой к нему пришли два его товарища и предложили прокатиться в карете. Он с полуслова понял, что их прислало законодательное собрание, угадывая мысли собеседников. Было ясно: ему предстоит почести, ибо революция победила.

Во время поездки он видел радостные лица и приветственные жесты прохожих. Слышал отдалённые звуки марша и твёрдую поступь революционных солдат. Его не смущал

перенос действия из Китая в Россию (подобным образом самые нелепые события, происходящие в сновидениях, воспринимаются как само собой разумеющиеся).

Они приехали на окраину города. Лица некоторых прохожих выражали хитрость и затаённую злобу. Значит, кучер – шпион и нарочно завёз их туда, где находятся враги! Иногда он слышал ругательства и угрозы в свой адрес. Это явно были шпионы. Но на страх им всё громче раздавался революционный марш. В такт ему Кандинский начал топтать ногами в карете и подпевать. Но кучер замедлил движение, чтобы враги окружили карету.

Как быть? Поможет огонь папиросы! Пока она горит, враги не страшны. Это – символ власти. Не случайно товарищ предложил ему закурить. Надо постоянно прикуривать от потухающей папиросы, не теряя огня. А под марш в ритме движения кареты появился революционный отряд. Офицеры приветствуют его...

Вот и дом для торжественной церемонии. Его встретили почтительно, надели официальный костюм. Значит, предстоит выступить в парламенте. Он ощутил усталость. Сел, задумался. Очнулся – вокруг нет никого. В соседних помещениях какие-то голоса. А если это палачи, которые ловят его мысли?!

Время шло. Торжества не было. Он волновался всё сильнее. Заметил решетки на окнах. Понял: враги заманили его в западню. Подозрение превратилось в уверенность. Двери заперты, окна зарешечены, нет делегаций и поздравлений...

Потрясение! Он пришел в ярость, круша всё вокруг, колотя в стены и двери. Затем началась истерика...

Такова плата за крушение установки: буйство, истерика – вплоть до убийства и самоубийства. (При безнадежных формах шизофрении больной может до конца пребывать в иллюзорном мире.)

Обычно мы сознательно контролируем своё поведение, кроме тех моментов, когда нас захлестывают эмоции. Тогда происходит переход в изменённое состояние сознания (ИСС). У психически больного наоборот: он преимущественно находится в ИСС, хотя может временами избавляться от этого наваждения.

Вот один из примеров не одиночного, а группового перехода в ИСС уже в XX веке. В селе проживала больная шизофренией, утверждавшая, что близится конец света. При обострении мании она видела, как дьявол тащит грешные души в ад. За ней ухаживали четыре её сестры. Они постились и молили Всевышнего о выздоровлении сестры. Через несколько дней вдруг увидели, как тело больной покрылось шерстью, ступни превратились в копыта, а на голове выросли рога. Это был сатана!

В ужасе, отвращении и ярости они схватили что попало под руки и принялись изгонять нечистого из тела сестры. Избиение продолжалось до тех пор, пока несчастная не умерла. Они были уверены, что обеспечили её душе место в раю. Их поместили в больницу. За три дня лечения они обрели душевное равновесие, успокоились, хотя по-прежнему не сомневались, что им удалось изгнать беса.

По такой схеме возникают массовые психические эпидемии. Они редко проявляются в такой криминальной форме. Но суть остается той же. Имея примерно одну и ту же установку (вера в Бога, демонов, правителей), люди в определённой ситуации действуют одинаково, испытывают сходные эмоции, а то и мании, которые становятся заразительными.

Виктор Кандинский одним из первых начал исследовать такие явления. «Главнейшие источники душевных эпидемий, – писал он, – религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному».

«От времени до времени в истории человечества являются настоящие поварные болезни души». К ним он относил Крестовые походы, демономанию, ложные признания в колдовстве и массовые религиозные репрессии в Западной Европе в XV–XVI веках.

Кандинский обобщил: «История обществ представляет нам... непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея сама по себе может быть высокою или нелепою... Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная».

Эти идеи развивал академик В.М. Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни». По его словам, «внушение заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получит неполное... и частью даже несоответствующее освещение».

Другое его замечание: «Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимному истреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений».

Обычно историки, социологи, философы предпочитают объяснять исторический процесс экономическими, политическими и классовыми факторами, тайными заговорами. А человек – существо разумное и эмоциональное, отзывающееся на движения души нередко более чутко, чем на позывы желудка.

Имеется немало примеров катастрофических последствий решительных перестроек психической сферы. Крушение средневековых стереотипов сознания сопровождалось необычайными духовными потрясениями, войнами, маниакальными явлениями, жестокими революциями (последние особенно характерны для первобытного капитализма с его ненасытной жаждой наживы).

Что содействует распространению психических эпидемий? Ответ на этот вопрос мы уже отчасти знаем на примере западноевропейского Средневековья. Эту эпоху часто огульно характеризуют как мрачную, исполненную мракобесия и зверств. Действительность была иной.

Да, происходили войны, внутренние конфликты и прочие беды, извечно сопровождающие историю цивилизации. Однако общество в этот отрезок времени, когда преобладали феодальные отношения, религиозная вера, цеховые объединения трудящихся, патриархальные семьи и т. п., отличалось необычайной стабильностью. В Европе Средневековье продолжалось более тысячи лет – приблизительно с V до XV века. Нечто подобное характерно для Китая, Индии, Малой Азии, Африки.

Казалось бы, такая чётко отрегулированная среда не благоприятствует духовным эпидемиям. Однако ситуация не столь проста. Психика человека, так же, как любого животного, приспособлена к изменчивой, сложной природной среде, а не к механическому однообразию и жёсткой регуляции. В результате постоянных ограничений накапливается подсознательный протест, стремление при случае выплеснуть заряд нереализованных эмоций, взбунтоваться против запрограммированной несвободы.

Крестовые походы, помимо всего прочего, были связаны со стремлением человека к новизне впечатлений, к познанию иных стран. «Муза дальних странствий» вдохновляла не только купцов и религиозных фанатиков, но и многих верующих, мечтающих посетить святыне места, приобщиться к той местности, которая упомянута в Священном Писании.

В мистическом плане это была сугубо духовная тяга. В обыденном понимании её можно связывать и с «охотой к перемене мест», с желанием избавиться хотя бы на недолгий срок от привычной обстановки. В эмоциональном аспекте подобное стремление выражалось в периодических «праздниках дураков», развесёлых и подчас кощунственно-глумливых карнавалах, народных мистериях. Такая «разрядка» была необходима, но недостаточна. Оставалась потребность и в отрешении от постоянных повторений, бесконечной суеты бытия.

Паломничества и странничество были распространены в Средние века. Люди проходили, проплывали в разных направлениях сотни, тысячи километров, минуя разные страны, пересекая горные хребты, крупные реки и моря.

Временами возникали направленные перемещения огромных людских масс. Это можно сопоставлять с миграциями животных, хотя на поведение людей влияют не только природные, но и социальные факторы. Сказывается и то, что человек, подобно прочим высшим общественным животным, наделён инстинктом общения, способностью воспринимать чужие чувства.

Виктор Кандинский сделал такие выводы:

- Свойство психической организации человека именно таково, что всякое духовное движение или настроение одного индивидуума отражается на духовном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с камертонами одинакового тона: заставь звучать один из них, остальные сами собой придут в созвучное дрожание.

- Галлюцинации и иллюзии происходят тем легче, чем больше ослаблены органы чувств, чем более истощена нервная система вследствие ненормального возбуждения, ненормального физического труда или вследствие недостатка питания.

- Чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем идеи и чувства высокие.

- Душевнобольные часто сохраняют свободу суждений, но теряют свободу выбора.

- Проходит время ненормального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять причину своих прошлых ошибок.

- При слабом развитии высших мозговых функций – мышления и воли – человек весь свой век может прожить жизнью пассивной, машинальной... При таком отсутствии личной самостоятельности в человеке не может быть и речи о его нравственной свободе.

Вспомним, что происходило со значительной частью населения СССР в период «перестройки и гласности», а затем и расчленения страны. Возобладали именно чувства мелочные и своекорыстные. Сохраняя свободу суждений, массы граждан утратили свободу выбора, повинуясь внушению средств массовой рекламы, агитации и пропаганды (СМРАП).

Пример Виктора Кандинского показывает, что человек с психическим расстройством способен преодолевать недуг и даже изучать его. Американский психолог и философ У. Джемс сослался на исследования Кандинского, проведённые над «образованным врачом», по-видимому, не подозревая, что пациентом в данном случае был сам психиатр.

...Можно предположить, что в роду Кандинских была генетическая аномалия, предполагающая появление личностей с отклонениями от «нормы». Двоюродный брат Виктора Кандинского Василий (1866–1944) тоже был незаурядным человеком. У него определённо были отклонения от «здорового смысла» и традиционных взглядов на изобразительное искусство.

Успешно окончив юридический факультет Московского университета в 1892 году и женившись на своей кузине Анне Чимянкиной, он вроде бы остепенился: стал доктором правоведения, доцентом юрфака. Его пригласили в Дерптский университет.

В 30 лет он мог стать профессором. Но решил посвятить себя живописи. Блажь? Психический сдвиг? Хотя он в детстве был приобщён к искусству: занимался рисунком у частного преподавателя, брал уроки игры на фортепьяно и виолончели. Любовь к живописи тлела в его душе долго и в конце концов вспыхнула с неодолимой силой.

В Мюнхене он стал учиться живописи, вошёл в круг художников, с 1900 года стал выставлять свои полотна. В 1904-м издал альбом с 12 ксилографиями с поэтическим названием «Стихотворения без слов». Он стремится выразить порыв, цветовую экспрессию.

«Потрясённый красотой собственной картины, случайно поставленной набок, – пишет историк искусства Мэри Холлингсворт, – он заключил, что может полностью отказаться от изображения реальных предметов. Кандинский даёт теоретическое обоснование своих экспериментов в исследовании “О духовном в искусстве”, где утверждает, что главная цель искусства заключается в выражении внутреннего мира художника».

Художник в своих произведениях выражает свой духовный мир (хотя и не только это). Вопрос лишь в том, как он это делает, с какой целью и какими средствами. Иначе самовыражение становится самоцелью, а зрителю приходится разгадывать «художественные ребусы».

Примерно так рассуждал Н.А. Бердяев в своей статье «Кризис искусства» (1917). Необычайное разнообразие авангардистских направлений в начале XX века, порой полный отказ от традиционных форм и средств он считал признаками разложения и деградации, отражением общего состояния общества потребления:

«Много кризисов искусство пережило за свою историю. Переходы от Античности к Средневековью и от Средневековья к Возрождению ознаменовались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах».

Картины Василия Кандинского подвергались поначалу резкой, а то и грубой критике. Его первой абстрактной картиной считается акварель 1910 или 1911 года, разноцветные пятна и мазки кистью, подчеркнутые тушью пером. В полотне того же времени «Казачки» – экспрессия, символизм, порыв с элементами реальности: подобие сабель, папах, коней, фонарных столбов, домов. Образы схематичны, однако читаемы.

Как бы ни относиться к абстрактным композициям или к обретшему шумную популярность «Чёрному квадрату» К. Малевича, неискушённый зритель без эмоционального подъёма и озарений проходит мимо подобных творений, в глубокой задумчивости задерживаясь перед картинами Леонардо, Рафаэля, Боттичелли, Босха и многих других мастеров. На комментарии апологетов «авангарда» простак заметит по-детски: «А король-то голый!»

Именно с абстракций и инсталляций начиналось искусство каменного века. Неандертальцы более 40 тысячелетий назад создавали нечто подобное, не говоря уже о первых творениях кроманьонцев, наших предков.

...Буйная поросль авангардистов разных течений, направлений, школ воспрянула перед Первой мировой войной. Художники, поэты, композиторы выражали в своём творчестве общественное брожение, смятение умов, стремление вырваться из обыденности.

При становлении советской власти футуристы и прочие авангардисты взялись создавать «новое искусство». Василий Кандинский в 1918 году вошёл в Отдел изобразительных искусств Наркомпроса, стал профессором Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), организатором провинциальных музеев и различных выставок. Но когда спала волна культурной революции, он в 1921 году перебрался в Берлин и с тех пор на родину не возвращался.

Психиатр Виктор Кандинский был психически болен. У художника Василия Кандинского аномалия определялась не личным, а общественным недугом. В поисках новых форм выразительности он, Питер Мондриан, Казимир Малевич и другие авангардисты отказались от самого выразительного в изобразительном искусстве: образности на основе зримой реальности, вызывающей у зрителя не только смутные чувства и туманные умствования, но ясные мысли и вполне определённые переживания.

Это стало одним из симптомов наступившей эры техники. Теперь в наиболее промышленно развитых странах на технику стали тратить в сто раз больше энергии, чем на непосредственные нужды людей.

Впрочем, в отличие от художников, поэты уже в середине XIX века осознали, что происходит нечто роковое для человечества. Как писал Евгений Баратынский:

Век шествует путём своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.

Зигмунд Фрейд (1865–1939)

Психолог, наблюдая людей, во многом исходит из вольного или невольного самоанализа. И хотя Зигмунд Фрейд придавал своим идеям облик научной теории, они во многом отражали его духовный мир со всеми его аномалиями.

Книги Фрейда, написанные на темы, волнующие многих («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и др.), пользовались успехом и переиздаются до сих пор.

Нередко пишут, будто Фрейд ввёл в науку понятие бессознательного. Нет, конечно. Задолго до него вышли книги Э. Гартмана «Философия бессознательного» (1869), К. дю Преля «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа» (1884). Впрочем, ещё в 1705 году Лейбниц в «Новых опытах о человеческом разуме» написал о существовании области бессознательного:

«Приобретённые привычки и накопленные в памяти впечатления не всегда сознаются нами и даже не всегда являются нам на помощь при нужде, хотя часто они легко приходят нам в голову по какому-нибудь ничтожному поводу, вызывающему их в памяти, подобно тому, как для нас достаточно начала песни, чтобы вспомнить её продолжение... В каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т. е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаём».

Роль подсознания в поведении людей огромна, и об этом известно давно. Как теоретика, Фрейда превозносят без веских оснований. Его идеи слишком субъективны, чтобы считаться научными.

Увы, популярность идей мало зависит от их близости к истине. Сильнее сказываются традиции, предрассудки, невежество, пропаганда... Публика падка до загадочных модных учений. Вера в психоанализ и пропаганда – главные факторы его реальных и мнимых успехов.

...Сигизмунд Шломо Фрейд родился в еврейской семье в городке Фрайберг (Моравия) Австро-Венгерской империи. За два месяца до этого умер его дед Шломо, и его имя перешло к внуку. В более поздние годы внук предпочёл именоваться на немецкий манер: Зигмунд Фрейд.

«Когда мне исполнилось около трёх лет, – вспоминал он, – отец разорился, и нам пришлось покинуть свою деревню и переехать в большой город. Последовала череда долгих и трудных лет, из которых, как мне кажется, ничто не достойно воспоминания».

Последние слова противоречат одному из главных постулатов его учения, согласно которому душевные травмы детства вызывают в поздние годы серьёзные отклонения психики, неврозы и депрессии. Выходит, он не был последовательным в использовании своего метода.

Много позже, проводя клинический самоанализ для борьбы со своим психозом, Зигмунд Фрейд написал своему другу Вильгельму Флиссу, что в результате осмысления своих сновидений сделал вывод: маленьким ребёнком он иногда видел свою мать раздетой, испытывая сексуальное влечение к ней. Он ревновал к ней отца и новорождённую сестру, желая ей смерти. Вскоре она умерла, и он остро ощутил чувство вины.

Не исключено, что ситуация была сложнее, а объектом ревности был не отец, который часто отсутствовал из-за своих коммерческих дел. Это обстоятельство и косвенные данные наводят некоторых биографов Фрейда на мысль, что отцом Анны мог быть сводный брат Зигмунда Филипп, который был на несколько месяцев старше Амалии. Убедительных доказательств этому нет, хотя некоторые свои сновидения Зигмунд Фрейд изложил так, что напрашивается именно такой вывод.

В своих работах Фрейд упомянул немного случаев из своего детства. Некоторые из них показательны. Однажды он «напрудонил» в спальне родителей. Отец строго его отчитал, в сердцах воскликнув: «Из тебя ничего не выйдет!»

Как позже признался Зигмунд: «Это было, по-видимому, страшным оскорблением моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: видишь, из меня всё-таки кое-что вышло».

Но даже если у него возникло чувство превосходства перед менее образованным отцом, это ещё не означает ревности к нему как сопернику за обладание любовью матери. Кстати, отец сделал всё что мог, для того чтобы Зигмунд успешно учился и интересовался классической литературой, философией. Окончив гимназию с отличием, Зигмунд поступил на медицинский факультет Венского университета.

«Каждый философ, писатель и биограф придумывает свою собственную психологию, выдвигает свои гипотезы о закономерностях и целях душевных актов. В области психологии отсутствуют уважение и авторитет. Здесь любой, следуя своим собственным вкусам, может “заниматься браконьерством”». Так писал З. Фрейд. И он был одним из наиболее дерзких браконьеров в психиатрии, психологии, а также философии.

Окончив медицинский факультет, Фрейд недолго работал лаборантом. Надежды на карьерный рост у него были невелики. Он устроился в Венский общий госпиталь врачом по внутренним болезням, хирургии, дерматологии. Через полгода перешёл в психиатрическую клинику.

По словам американского философа Гарри К. Уэллса: «Работа в этой клинике была для него единственным за всю жизнь опытом строго психиатрической работы. Он возненавидел и больничные порядки, и лечение пациентов как по внутренним, так и по психическим заболеваниям. В результате он пришёл к выводу, что “просто не может быть врачом”».

Став приват-доцентом, Фрейд стажировался в парижской клинике под руководством невролога Жана-Мартина Шарко, который использовал гипноз при лечении психических заболеваний. Фрейд узнал, что многие психические болезни связаны с нарушениями в половой сфере. Тогда же он вдохновился идеей о громадном значении для человека неосознанных переживаний, впечатлений, а также сексуального влечения («либидо»).

Судя по детским и юношеским амбициям Фрейда, в молодости у него была затаённая мечта о великих теоретических открытиях. Но для этого у него, на мой взгляд, не хватало творческого потенциала.

Он был начитан в разных областях знаний, имел некоторый опыт как лабораторный исследователь, опубликовал несколько научных статей, в 29 лет стал приват-доцентом. И всё-таки отличная успеваемость могла сдерживать его возможности как творца новых идей. Он избрал традиционный путь «научного работника», но не новатора.

Фрейд весной 1886 года женился на Марте Бернайс. В своей квартире он отвёл одну комнату для приёма больных и стал частным практикующим врачом по нервным болезням.

Первые опыты лечения лекарственными средствами и физиотерапией приносили пациентам мало пользы. Не зная, каковы причины заболеваний, он действовал вслепую, методом проб и ошибок.

Как добиться успеха? Один из путей подсказала книга И. Бернгейма «Внушение и его применение в терапии». Фрейд испытал гипнотическое внушение на нескольких пациентах, и в некоторых случаях излечение было моментальным!

Как обычно бывает в подобных случаях, люди восхищаются врачом-чудотворцем, не учитывая отрицательных результатов. Слухи о целителе Зигмунде Фрейде распространились по Вене. От пациентов не стало отбоя. А вот с излечениями всё чаще происходили сбои. Не все поддавались гипнозу, а улучшение здоровья нередко было временным.

И тут он вспомнил о случае, рассказанном ему терапевтом Иосифом Брейером. У него была молодая симпатичная пациентка, которую он назвал «Анной О.», страдавшая частичным параличом конечностей, расстройством слуха и зрения, трудностями с перевариванием пищи, нервным кашлем, временным помрачением рассудка.

Лечение продолжалось два года. Гипноз не привёл к успеху до тех пор, пока она не рассказала, при каких обстоятельствах у неё появились первые симптомы болезни. Это была душевная травма, о которой она стыдилась признаться даже себе: в детстве у постели больного отца она испытывала к нему половое влечение.

Раскрыв эту тайну, она почувствовала себя значительно лучше. Такой «исповедальный» метод действовал всё успешнее. Постепенно её чувство привязанности стало переходить на врача. Из-за конфликта с женой он вынужден был прекратить лечение. Но теперь больная сама с помощью таких воспоминаний стала избавляться от своих недугов.

От коллег Фрейд узнал: у некоторых пациенток психические расстройства вызваны сексуальной неудовлетворённостью. Так, у одной из них муж был импотент, а потому помочь ей, как сказал доктор, можно только способом, который нельзя прописать в виде рецепта. Фрейд сделал вывод: «Неврозы возникают там, где в силу внешних или внутренних препятствий нет реального удовлетворения эротическим потребностям». У животных сексуальность естественна, а у людей подавлена нравственными запретами и вытесняется в область бессознательного, вызывая неврозы.

Главную причину он видел в детской сексуальной травме. Поэтому надо «направить внимание пациента, ведя его от этого симптома к обстановке, в которой и посредством которой он возник... После того как травмирующая обстановка воспроизведена, мы переходим к исправлению первоначальной психической реакции и, таким образом, к устранению симптома».

Временные успехи нового метода обернулись полным фиаско. Позже Фрейд написал в автобиографии: «Под давлением технической процедуры, которой я пользовался в то время, большинство моих пациентов воспроизводили из своего детства сцены, в которых они оказывались сексуально извращёнными кем-нибудь из взрослых...»

Я верил этим рассказам и вследствие этого предположил, что раскрыл корни последующего невроза в этих переживаниях полового соращения в детстве... Однако, когда я вынужден был признать, что эти сцены соращения никогда не имели места и что они представляли собой лишь выдумки, созданные моими пациентами, или фантазии, может быть навязанные мною самим, я в течение некоторого времени был совершенно растерян».

И хотя крах своей теории он пережил в 1897 году, прошло восемь лет, прежде чем он в этом публично признался. Лишь своему другу Вильгельму Флиссу в письме от 21 сентября 1897 года сообщил: «Я больше не верю в мою *невротическую*». От его услуг отказалось много пациентов.

И неожиданное признание: «Любопытно, что я ничуть не чувствую себя несчастным, хотя обстоятельства, казалось бы, требуют этого... но, между нами говоря, у меня чувство скорее победы, чем поражения, которого не должно бы быть».

В других письмах тому же адресату сообщил: «После краткого промежутка хорошего настроения у меня теперь припадки уныния. Главный пациент, которым я занят, — я сам». «Некоторые печальные тайны жизни выслежены до первых корней... Есть дни, когда я брожу подавленный, потому что ничего не понял из сновидений, фантазий или настроений дня, и есть другие дни, когда вспышка молнии вносит связь в картину и то, что было прежде, раскрывается как приготовление к настоящему». «Под влиянием анализа моё сердечное беспокойство теперь часто заменяется беспокойством желудочным».

В своих прежних переживаниях он стал находить много мерзкого, написав Вильгельму Флиссу: «Грубо говоря, подобное воспоминание воняет так же, как может вонять настоящий

предмет; и точно так же, как мы отворачиваем наш орган чувств – голову и нос – с омерзением, так наше предсознательное и сознательное отворачивается от воспоминания. *Это есть вытеснение*. И ещё: «Мне трудно рассказать тебе, сколько вещей я – новый Мидас – обратил в грязь. Это вполне гармонизирует с теорией внутреннего зловония».

Согласно легенде, царь Мидас, чтобы насытить свою жажду богатства, просил бога Диониса, чтобы всё, к чему он прикоснётся, превращалось в золото. Но так происходило и с пищей; Мидас едва не умер с голода и вскоре отказался от этого дара.

Занимаясь самоанализом, Фрейд в потёмках своей души выискивал зловонные уголки, вычищая их и перенося на свет разума. Результат такой процедуры зависит от склада личности. Один, осознав такие мерзости, придёт в ужас и возненавидит себя. Другой испытает удовлетворение от своей пронизательности и откровенности. Подобный тип личности был, по-видимому, у Фрейда. Ему этот метод помог.

...Фрейд без брезгливости, как положено врачу, препарировал свои реальные или воображаемые мерзости детских переживаний. И решил, что наткнулся на «золотую жилу» (тут уже прямая аналогия с Мидасом):

«Только одна идея общезначимой ценности встретила мне – я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу также и в моём собственном случае и теперь уверен, что это всеобщий феномен раннего детства... Если положение таково, то захватывающая власть Царя Эдипа (*имеется в виду трагедия Софокла. – Р. Б.*), несмотря на все рациональные возражения против неумолимой судьбы, которая постулируется в этом изложении, становится понятной... Греческий миф показывает могучую силу, которую каждый узнаёт, потому что он чувствует её следы в себе самом. Каждый представитель аудитории был когда-то в фантазии зачаточным Эдипом, и исполнение этой мечты, разыгранной в действительности, заставляет любого в ужасе отшатнуться с полной мерой вытеснения, которая отдаляет его детское состояние от настоящего».

Столь извращённое толкование трагедии позволило ему личные переживания представить как всечеловеческие, типа первородного греха. Этим он снимал с себя ответственность за свои действительные или мнимые детские сексуальные страсти.

И у психологов бывают неврозы, фобии, бессознательные установки. Интеллект у всех людей тесно связан с эмоциональной сферой, структурой личности. Эта доля субъективности может быть существенной, как у Фрейда, и незначительной, как, например, у И.П. Павлова, который полагался на эксперименты, а не на гипотезы.

В цикле лекций «Сновидения» (1915–1916) Фрейд утверждал: «Искажение, которое мешает нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых, бессознательных желаний». Эта цензура навязана обществом, традициями, запретами.

По такому принципу Фрейд «расшифровывал» образы сновидений. Хотя признал, что выглядит подобный прием «ненадежным и спорным». Он писал: «Образы сновидений приходят к нам из области бессознательного; во время сна бессознательное делается отчасти сознательным, и наоборот, исчезает сознаваемое нами во время бодрствования».

Фрейд умолчал о своём предшественнике в научном анализе сновидений. Это был немецкий философ и психолог Карл дю Прель. В книге «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа» он писал: «Анализ жизни человека во сне... показывает, что наше самосознание не обнимает всего объекта, что наше я больше нашего самосознания».

Фрейд придумал болезненно изощённую символику половым органам и сношениям. Мужские гениталии у него зашифрованы священным числом 3. «Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется, во-первых, похожими на него по форме, то есть длинными и торчащими вверх

предметами, такими, например, как палки, зонты, шесты, деревья и т. п. Затем предметами, имеющими с обозначаемым сходство проникать внутрь и ранить, т. е. всякого рода острым оружием, ножами, кинжалами, копьями, саблями, а также огнестрельным оружием: ружьями, пистолетами и очень похожим по своей форме револьвером».

Также «вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: водопроводными кранами, лейками, фонтанами и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, например висячими лампами, выдвигающимися карандашами и т. д. Вполне понятное представление об этом органе обуславливает точно так же то, что карандаши, ручки, пилочки для ногтей, молотки и другие инструменты являются несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря примечательному свойству члена подниматься в направлении, противоположном силе притяжения (одно из проявлений эрекции), он изображается символически в виде воздушного шара, аэропланов, а в последнее время – в виде воздушного корабля цепелина».

Женщина в сновидении летает, потому что желает быть мужчиной. В своих гениталиях она имеет маленький орган, аналогичный мужскому (клитор), играющий в детстве и отрочестве роль мужского полового члена. К числу мужских сексуальных символов относятся пресмыкающиеся, рыбы, но прежде всего змея. Почему шляпа и пальто, нога и рука приобрели такое же символическое значение, непонятно, но для Фрейда – несомненно.

«Символы женских половых органов – все предметы, ограничивающие пространство, чтобы что-то принять в себя: шахты, копи, пещеры, сосуды и бутылки, коробки, табакерки, чемоданы, банки, ящики, карманы... Многие символы имеют больше отношения к матке, чем к гениталиям женщины: шкафы, печи, комнаты. Двери и ворота – символы полового отверстия. Материалы тоже могут быть символами женщины: дерево, бумага и предметы, сделанные из этих материалов, например стол и книга. Из животных – улитка и раковина; из частей тела – рот как образ полового отверстия, из строений – церковь и капелла.

К гениталиям следует отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи яблок, персиков, вообще фруктов. Волосы на гениталиях обоих полов сновидение описывает как лес и кустарник. Сложностью топографии женских половых органов объясняется то, что они часто изображаются ландшафтом со скалами, лесом и водой...

Как символ женских гениталий следует упомянуть ещё шкатулку для украшений, драгоценностью и сокровищем называются любимые лица и во сне; сладости часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто как всякого рода игра, так же как игра на фортепиано. Типичным изображением онанизма является скольжение и скатывание, а также срывание ветки». Половой акт воспроизводят ритмические действия: танцы, верховая езда, подъёмы, а также переживания, связанные с насилием; определённые ремесленные работы, угроза оружием.

Свисающий галстук – мужской символ. Белое бельё, вообще полотно символизирует женское; платье, форменная одежда являются заместителями наготы, форм тела, а башмак, туфля – женских гениталий. Лестницы, стремянки и подъём по ним – символ полового акта, что отражает ритмичность этого подъёма, которая, как рост возбуждения, одышка по мере подъёма, является общей основой...

Откуда известны значения этих символов, о которых сам видевший сон не говорит нам ничего или сообщает очень мало? Из сказок и мифов, шуток и остроумия, из фольклора, из сведений о нравах, обычаях, из поговорок и народных песен, поэтического и быденного языка.

Символика гениталий, напоминает Фрейд, присуща не только сновидению. В Новом Завете сказано: женщина – сосуд скудельный (бренный). В более поздней еврейской литера-

туре распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь считается половым отверстием. Муж жалуется, например, в случае отсутствия девственности, что нашёл дверь открытой. Приготовление огня, всё, что с ним связано, до глубины проникнуто сексуальной символикой. Пламя является мужскими гениталиями, а очаг – женским лоном...

Фрейд читал эти лекции в возрасте 49–50 лет, и сексуальная озабоченность ему, по видимому, не была чужда. Его пациентами были люди большей частью праздные, богатые, занятые собственными персонами, ищущие острых ощущений.

В 1923 году английский писатель Гилберт К. Честертон отметил, что символы у психоаналитиков предполагают «непрерывно какую-нибудь подспудную гадость... Я ел пышку. Может быть, это означает, что – в пылу эдипова комплекса – я хотел отъесть нос своему отцу; но символ этот не слишком удачен...

Меня трогает нечеловеческая наивность фрейдистов, толкующих о научной точности единственного исследования, которое абсолютно невозможно проверить... Если бы Фрейду посчастливилось изложить свои взгляды в таверне, он имел бы очень большой успех».

С Фрейдом можно согласиться в том, что у современного человека подавлены многие влечения. Но среди них в первую очередь надо назвать не половое влечение или ревность к отцу, а сострадание к себе подобным, бескорыстие, честность, стремление к свободе, творчеству, познанию правды-истины. Вот что в дефиците у буржуа, бизнесменов, финансистов, партийных боссов, чиновников.

Фрейдизм далёк от реальности. После «сексуальной революции» гомосексуалы пользуются полной свободой. Привело ли это к снижению психопатологий? Нет! Никогда ещё не было столько духовно ущербных личностей, маньяков, умственно отсталых и морально убогих.

Зигмунд Фрейд перешёл от метода лечения психических расстройств у отдельных пациентов к обобщениям. Свои фобии он распространил на всех людей. Или человечество становится пациентом глобальной психиатрической лечебницы?

Там, где господствуют машины, производство и потребление, человек превращается в функцию, штифтик (по выражению Ф. Достоевского) или, как за полвека до него писал И. Гердер, – в винтик государственного механизма. Этот важнейший фактор воздействия на психику Фрейд не заметил.

...О личности, талантах и стиле мышления Фрейда высказано немало лестных слов, в частности, известным писателем Стефаном Цвейгом. В этом видится проявление моды на фрейдизм. Показательно в этом отношении исследование Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному».

Из философов остроумными были, в частности, Шопенгауэр и Ницше. Они высказывали неординарные мысли. Найти остроумные высказывания у Зигмунда Фрейда чрезвычайно трудно. Тем более интересна его оценка этого качества ума, которым сам не был наделён.

Анализируя технику остроумия, он многословно анализирует цитату из «Путевых картин» Генриха Гейне. Некто Гирш-Гиацинт из Гамбурга хвастает, что сидел рядом с бароном Соломоном Ротшильдом, который обращался с ним запросто, «совершенно *фимиллионьярно*».

Расчленив эту остроту на части в поисках сути, Фрейд уподобляется ребёнку, ломающему игрушку, чтобы узнать, что у неё внутри. Приходит к выводу простому, выраженному наукообразно: «Мы можем описать процесс образования остроты, т. е. технику остроумия в этом случае как *сгущение с заместительным образованием*; и действительно, в нашем случае заместительное образование состоит в создании *смешанного слова*».

Большинство острот, основанных на игре слов, примитивны. Но есть и первосортные. Например, о человеке, незаслуженно прославляемом: «Это одна из четырёх его ахиллесовых

пят». Мол, хоть он и знаменит, но порядочная скотина (отметим двусмысленность слова «порядочная»).

Зачем Фрейд долго и нудно разбирает технику остроумия? Он сослался на свою книгу «Толкование сновидений»: «Как часть работы сна я описал процесс сгущения, который обнаруживает величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия». И добавил: «Мы не можем сомневаться, что как в одном, так и в другом случае мы имеем перед собой один и тот же психический процесс, который мы узнаём по идентичным результатам».

Он старается убедить в своём выводе, предлагая не сомневаться, хотя сходство, о котором он говорит, сомнительно. В наших снах чрезвычайно редки остроумные сочетания образов или слов.

Фрейд анализировал почти исключительно шутки, юмор, беззлобные анекдоты. Но остроумие бывает нешуточным, а шутки – не всегда остроумны; они бывают грубые, глупые, подлые, пошлые.

Стиль рассуждений Зигмунда Фрейда об остроумии – сухой, без тени юмора или иронии – прямо противоположен теме. Изложение имеет вид научного исследования, хотя метод рассуждений, основанный на специально подобранных фактах, не отвечает принципу объективного анализа.

«Юморист достигает превосходства, потому что входит в роль взрослого, до некоторой степени как бы отождествляет себя с отцом и принимает других людей за детей». Таково мнение Фрейда, основанное на привычке относиться к слушателям с высоты своего положения лектора, писателя или врача.

В действительности даже намёк на поучение портит шутку. Верный приём хорошо преподнести анекдот – сохранять простодушный вид. Чаще всего юморист играет роль наивного ребёнка, чем вызывает радостный смех зрителей, чувствующих своё превосходство. Недаром шутов держали короли и вельможи.

Очевидно, Фрейд хотел подвести читателя к выводу, обозначенному в заглавии книги: остроумие тесно связано с бессознательным. В общем, мысль верная хотя бы потому, что шутка вызывает у нас эмоции, а они возникают из подсознания.

В большинстве шуток, которыми потчует публику нынешняя орда смехачей, большое место заняли непристойные выражения и намёки. Это вроде бы подтверждает тезис Фрейда о сексуальном подтексте многих психических аномалий. Публика радостно гогочет, поняв намёк на «запретную сферу» (или запретный цилиндр, запретные полушария – и тут есть возможность для более или менее тупых шуток).

Ф.М. Достоевский в романе «Подросток» писал: «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеалами, а вы смотрите его лучше, когда он смеётся. Хорошо смеётся человек – значит хороший человек. Примечайте притом все оттенки: надо, например, чтобы смех человека ни в коем случае не показался вам глупым, как бы ни был он весел и простодушен... смех есть самая верная проба души».

Анализируя остроты, следовало бы ответить на вопросы: кому они смешны и почему? Какая цель у остряка? Какой смысл в остроте? Она действительно острая или плоская, как блин?

Эти вопросы особенно важны при анализе насмешки, зубоскальства. Одни люди смеются, когда кто-то поскользнулся и упал, а другие спешат на помощь. Эти две реакции разделяют людей двух типов. По-разному люди относятся к остротам, которые всегда рассчитаны на публику.

Одно дело – когда высмеивают тебя или что-то тебе дорогое, другое – когда высмеиваешь ты.

«Там, где острота не является самоцелью, – полагал Фрейд, – т. е. там, где она не безобидна, она обслуживает только две тенденции, которые могут быть даже объединены в одну точку зрения; она является либо *враждебной остротой* (которая обслуживает агрессивность, сатиру, оборону), либо *скабрёзной остротой* (которая служит для обнажения)».

Он упустил из вида важнейшую функцию остроумия: в большинстве случаев она *объединяет* людей сходных убеждений, склада ума или характера. Тех, кто умеет вовремя пошутить, рассказать остроумную историю, называют «душой общества». В такой забывчивости Фрейда усматривается его подсознательная ориентация на индивидуализм, склонность подчёркивать черты враждебности и скабрёзости.

Вот как завершает он своё исследование остроумия: «Удовольствие от остроты вытекает для нас из *экономии затраты энергии на упразднение задержки*, удовольствие от комизма – *из экономии затраты энергии на работу представления*, а удовольствие от юмора – *из экономии аффективной затраты энергии*. Во всех трёх видах работы нашей душевной деятельности удовольствие вытекает из экономии».

Не смешно! Такой подход к эмоциям подобен торгово-денежным отношениям. Сэкономил энергию, выгадал на этом – получил удовольствие. Чем больше выгадал, тем радостней; тут уж смеёшься до упаду. А если растратился, прогадал – вот и печалишься, страдаешь.

Какой смех имеет бесспорное отношение к бессознательному? Когда люди смеются без участия сознания? Когда их щекочут. Это и есть рефлекс вне сознания. Остроумие тут ни при чём. Кстати, смех от щекотки не экономит энергию, а растрчивает её, порой до изнеможения.

Во всех остальных случаях требуется хотя бы минимальное напряжение ума, чтобы шутка, пусть даже плоская и пошлая, дошла до адресата. Фрейд этого не учитывал.

Простейшая схема остроумия: неожиданная и приятная разрядка в игровой ситуации. Этот эффект можно наблюдать у взрослых, когда они выигрывают, например, в лотерею. Их обуревают неудержимый смех, они яростно жестикулируют. Так же выражают успех в игровых видах спорта.

Фрейд писал: «В нашем детстве, когда мы не знали комизма, не были способны создавать остроты, не нуждались в юморе». О каком детстве идёт речь? Комизм, тем более физиологический, воспринимают даже младенцы. Об этом писали многие исследователи, начиная с Плиния Старшего. У большинства людей детство – самая смехолюбивая пора жизни, когда веселье возникает порой по пустяшному поводу.

Остроумием дети, если не все, то многие, не обделены. Конечно, оно у них «другого качества», чем у взрослых, чаще всего примитивное, показывающее больше желание состричь, чем умение.

Возможно, Зигмунд Фрейд в детстве (да и позже) не был способен создавать остроты, вот и распространил свой личный опыт на всех людей. С пониманием юмора, остроумия и комизма у детей если и возникают проблемы, то лишь потому, что у них недостаёт ума, чтобы понять словесные хитросплетения и потаённые смыслы.

Улыбка – сигнал удовольствия, возникающий вне сознания. Этот рефлекс относится к области бессознательного. Улыбаются и смеются младенцы, не имеющие понятия об остроумии. Улыбаются и смеются высшие обезьяны, имеющие своё чувство юмора.

Умственное напряжение в предвкушении шутки, остроумной мысли не утомляет, а подготавливает к финалу. Если он понравился, то вызывает улыбку или смех. Мы переживаем момент озарения, внезапного открытия. Это не «экономия затраты энергии», а, напротив, вспышка сознания, элемент творчества.

Даже в случае пошлого намека происходит то же, хотя и на уровне низком в прямом и в переносном смысле. Физиологический результат – разрядка энергии. Она проявляется

в активных движениях мышц лица, спазматических сотрясениях организма при сильном хохоте, появлении слёз, как будто от боли или горя.

Чаще всего вызывает радостное чувство именно ощущение игры, когда ты находишься в приятном расположении духа, готов к восприятию шутки, тебя не обижающей.

Многие умные остроты требуют, помимо всего прочего, некоторой суммы знаний. Вот пример блестящего остроумия от Бернарда Шоу.

В ресторане гремел джаз. Посетитель подозвал официанта:

– Ваши музыканты играют по заказу?

– Да, сэ.

– Передайте им этот фунт стерлингов. Пусть они сыграют в покер.

Тут игра слов и смыслов с элементами абсурда соответствует ситуации. Но, если слушатель предположит, что заказано музыкальное шоу с названием «покер», острота пролетит мимо цели.

Французский философ Анри Бергсон в работе «Смех» писал: «Не существует комического вне собственно человеческого». Другое условие: «Смешное может всколыхнуть только очень спокойную, совершенно гладкую поверхность души. Равнодушие – его естественная среда». И ещё: «Смешное не может нравиться тому, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике... Один человек, которого спросили, почему он не плакал, слушая проповедь, на которой все проливали слезы, ответил: “Я не этого прихода”... Сколько раз указывалось на то, что смех зрителей в зале раздается тем громче, чем зал полнее».

Бергсон отметил именно рассудочность остроумия: «В обществе людей, живущих только умом, вероятно, не плакали бы, но, пожалуй, всё-таки смеялись».

Гениальную эпиграмму сочинил поэт и библиограф С.А. Соболевский (1803–1870). Минимальными средствами он достиг сокрушительного результата. Его сочинение требует пояснений:

Парнас – в Греции гора богов и героев; Пегас – крылатый конь вдохновения. Исходный материал для эпиграммы – книга Н. Сушкова «Обоз к потомству» – многословная и пустяшная. Её первые строки: «Начну решительно, смело, сплеча, как многие, многие начинали! Начну... да вот беда: с чего начать? Как приступить к делу, которое пойдёт на суд к потомству, – ого! вот куда с первого слова занесло мои записки... моё поэтическое воображение!.. Тьфу ты, проклятое самолюбие!..»

Соболевский отозвался об этом опусе так:

Идёт обоз
С Парнаса.
Везёт навоз
Пегаса.

Накопленная нами информация разряжается почти мгновенно. И реакция вызвана нашим сознанием.

...Смех бывает глупый, умный, пошлый. В подлинном остроумии – гармония смысла и подтекста, звучания слов. Это пробуждает чувство прекрасного, а неожиданный поворот мысли – радость озарения.

Фрейд утверждал: «Влечение к познанию не может быть причислено к элементарным компонентам влечений, но подчинено исключительно сексуальности. Его деятельность соответствует сублимированному способу овладения, с другой стороны, оно работает энергией влечения к подглядыванию... Влечение к познанию у детей поразительно рано и

неожиданно интенсивным образом останавливается на сексуальных проблемах, может быть, даже пробуждается ими».

Психоаналитик не замечал явные факты, опровергающие его схему! Детёныши обезьян, щенки, котята сразу начинают исследовать окружающий мир. А их не сдерживают социальные ограничения, ни комплекс Эдипа, ни чувство вины и ревности.

Даже у рабочих муравьёв есть индивидуальные особенности. Большинство из них выполняют рутинные работы в муравейнике. Немногие стараются исследовать окружающую территорию. Можно ли это их качество хоть как-то связывать с сексуальностью? Нет.

Влечение к познанию – один из основных инстинктов.

Познание окружающего мира было «заложено» в организмы значительно раньше, чем сексуальное чувство, которое для многих видов животных не имеет значения. Но всем – буквально всем! – необходимо питание, обмен веществ с окружающей средой. Инстинктом поисков наделены даже бактерии, корни растений.

...В середине XIX века в Европе и США распространилась вера в оккультизм и ясно-видение, спиритизм и парапсихологию, астрологию и Космический Разум. Так реагировали люди на механизацию общественной жизни, вторжение техники, стремительный рост промышленности, давление материальной среды. В искусстве появилось множество авангардных течений. Брожение умов обычно предшествует острым социально-политическим конфликтам.

Мировая война усугубила психические аномалии в обществе. Для психоанализа наступили прекрасные времена. Фрейд добавил в своё учение идею о влечении к смерти (Танатосу, как её называли древние греки) и врождённой агрессивности человека.

После 1919 года нападки на психоанализ поутихли, популярность этого метода росла, психоаналитики стали неплохо зарабатывать. Книги Фрейда имели успех. Он перешёл к философским обобщениям в работах «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923). Посягнул он и на философию религии: «Будущее одной иллюзии» (1927), «Моисей и единобожие» (1939).

Распространение в Западной Европе фашизма и нацизма застало Фрейда в Вене. Его имущество было арестовано; он стал узником еврейского гетто. Его выкупили за крупную сумму друзья и поклонники. Он поселился в Лондоне. В последние годы его мучил рак горла, он перенёс несколько операций, перестал практиковать, но продолжал писать книги.

Судя по всему, Фрейд убедил сам себя в верности своих теоретических взглядов. Или такую установку выработало его подсознание. Это помогло ему жить и творить в трудные последние годы жизни.

...Идеи обретают бессмертие, если они сохраняются в истории культуры. Так произошло с учением Зигмунда Фрейда. Оно продолжает пребывать в общественном сознании, сочинения его переиздаются и читаются с немалым интересом. В практике используются разные виды психоанализа, отчасти модифицированные по сравнению с первоначальными приёмами.

Учение Фрейда не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. Оно лживо уже потому, что нацеливает человека на сексуальность как на основной инстинкт. Да, он важен для продолжения рода, но требует прежде всего здоровую и относительно свободную особь.

Первична воля к жизни и свободе!

Исходя из ложных ориентиров и пренебрегая научным методом, Фрейд в ряде случаев приходил к выводам не просто сомнительным или нелепым, но и социально вредным.

...Подобно Альберту Эйнштейну, Фрейд признавался, что ему многое дало чтение Ф.М. Достоевского; назвал его «Братьев Карамазовых» величайшим романом из всех, когда-либо написанных. Но в анализе идей русского писателя австрийский психиатр показал интеллектуальное бессилие. По его словам, Достоевский регрессировал «к подчинению... русскому мелкодушному национализму».

Фрейд усматривал проявление бисексуальности в том, «какое место имела в его жизни дружба с мужчинами». Предполагал: «Достоевский так никогда и не освободился от угрызений совести в связи с намерением убить отца». Фрейд навязывает свой надуманный (или личный?) комплекс и автору великого романа, и его героям.

В письме Стефану Цвейгу Фрейд приписал Достоевскому «наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившееся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде, в русском народе». При этом сослался на своё изучение одного (!) «подлинно русского пациента».

Представляете? По одному невротичу предвзято и негативно судить о целом народе! А великий писатель-мыслитель унижен и оболган, поставлен в положение «недочеловека» (термин нациста Гимmlера тут вполне уместен, ибо огульно охаивается весь русский народ).

В марте 1993 года журнал «Курьер ЮНЕСКО» вышел под заглавием «Психоанализ. Скрытое Я». Приведённые в нём материалы определённо свидетельствуют, что за полвека после Фрейда его теоретические концепции не подтвердились. Например, в статье Э. Барраля, работающего в Японии, сказано: «Когда доктор Косава применил к своим пациентам психоаналитический метод свободных ассоциаций, выяснилось, что у них не обнаруживаются проявления эдипова комплекса».

Полагаю, у всех народов – то же самое. Или такой комплекс присущ евреям? Вряд ли. Думаю, нет никакой особой национальной психологии, передаваемой генетически. У собак некоторых пород преобладают те или иные качества. Таков результат искусственного отбора. Хотя немало исключений из общего правила. К тому же есть основания полагать, что психика человека отличается от собачьей хотя бы значительно более развитым сознанием, рассудком.

Иные «патриоты», уверенные, что достаточно родиться русским, а ещё непременно креститься, чтобы в тебе пробудились лучшие качества национального характера. Нечто подобное наблюдается и у евреев-иудаистов. Таковы проявления (чаще всего скрытые) нацизма.

Я вовсе не против православия, иудаизма, атеизма и прочих религий. Каждый волен выбирать себе веру по душе. Но скверно, когда ничтожество той или иной национальности по чистой формальности начинает считать себя избранным. В нём пробуждается самодовольство вкупе с презрением, а то и ненавистью к инородцам, иноверцам.

Миф о «национальном характере» как проявлении наследственных биологических признаков, которому отдал дань Зигмунд Фрейд, остаётся вне науки, отдавая смрадным духом нацизма.

Другое дело – национальная культура. Есть отличия людей, воспитанных на тех или иных нравственных принципах, в той или иной идеологии. Русскими художниками были француз Брюллов, армянин Айвазовский, еврей Левитан; русскими поэтами – еврей Мандельштам и Пастернак; русскими учёными – украинец Вернадский и немец Ферсман. Сталин, грузин по национальности, называл себя русским.

Каждый человек отвечает за свои поступки, за свою жизнь вне зависимости от того, кто он по национальности или по вере. Ни то, ни другое не даёт ему никаких преимуществ перед всеми остальными.

...Шумный успех психоанализа и возвеличивание его создателя – явления патологии общественной жизни. Они демонстрируют возможности современной пропаганды, печальную интеллектуальную и нравственную деградацию личности, деформированной цивилизацией.

Показательно признание французской сторонницы психоанализа Анн-Мари Кауфман: «В Европе принято считать, что психоанализ существует для тех, кто может платить. Фрейд сам неоднократно подчёркивал, что та или иная форма оплаты необходима для усиления целительной силы слова».

Как бы ни объяснять такое непереносимое условие (скажем, чем выше плата, тем авторитетнее специалист и наоборот; если уж заплатил, то и сам заинтересован в получении прибыли, то есть здоровья), оно ясно свидетельствует о том, что психоанализ по Фрейду – форма бизнеса.

Важная составляющая его успеха – личность, лишённая нормального человеческого общения, одинокая среди толпы разобщённых людей. Для неё важны фактор общения с доктором и «душевных излияний», возможности выговориться, снять груз своих проблем. Психоаналитик вправе получать плату за своё потраченное время, а также, по сути дела, за искреннее или притворное сочувствие к проблемам невротика.

Таков принцип капитализма: время – деньги. (Как шутили И. Ильф и Е. Петров: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».) Даже сочувствие можно привести к универсальному принципу денежных отношений.

Пациент платит своему психоаналитику за возможность откровенно общаться, исповедоваться, избавиться от гнетущего одиночества, отсутствия нормального общения с родными и близкими, с окружающими людьми. Такова цена пребывания в обществе, где царствует капитал и господствуют буржуазные ценности, где личность – лишь винтик в гигантской машине технической цивилизации.

...Итак, диагноз доктору Зигмунду Фрейду. Он находил у людей психические комплексы, порождённые его собственными фобиями или сомнительными идеями. Озабоченный половой проблемой, придавал ей гипертрофированное значение. Не обладая остроумием, рассуждал об этом предмете весьма плоско, хотя и с претензиями на научность.

Самое смешное и нелепое в учении Фрейда – знаменитый комплекс Эдипа (якобы свойственное младенцу сексуальное влечение к матери и ревность к отцу; позже их вытесняет рассудок, вызывая скрытое чувство вины). Этот комплекс не имеет никакого отношения к Эдипу, который убил отца, не зная, кто перед ним, а женился на матери не по любви, а по желанию граждан иметь нового царя. Суть мифа: от судьбы не уйдёшь.

Явная ложность названия комплекса по имени Эдипа и сомнительность самой идеи, претендующей на объяснение основ человеческой психики, не помешали популярности данной концепции. «Комплексы» Фрейда указывают ещё и на психические аномалии в общественном сознании, вызванные технической цивилизацией и господством капитала.

Глава 2. Странности учёных (естествоиспытатели)

Едко и метко высмеял чудачества учёных Джонатан Свифт. Хотя рассеянность человека, увлечённого решением научной проблемой, вполне нормальна. История о смерти Архимеда вошла в школьные учебники, хрестоматии.

По одной версии, когда в 212 году до н. э. после долгой осады римляне захватили Сиракузы, Архимед на пороге своего дома размышлял над решением математической задачи, которую начертил на песке.

Римский воин, узнав, что перед ним создатель метательных машин, которые применяли осаждённые, занёс над ним меч. Учёный остановил его: «Подожди, я ещё не решил задачи». Но был тотчас убит.

В «Истории Рима» Тита Ливия сказано иначе: «Передают, что когда при той сильной суматохе, какую только могла вызвать распространившаяся во взятом городе паника, воины разбежались, производя грабёж, то много было явлено отвратительных примеров злобы и алчности; между прочим, один воин убил Архимеда, занятого черчением на песке геометрических фигур, не зная, кто он. Марцелл, говорят, был этим огорчён, озабочился погребением убитого, разыскал даже родственников Архимеда, и имя его и память о нём доставили последним уважение и безопасность».

Джиrolамо Кардано (1501–1576)

Этот итальянец эпохи Возрождения был сыном своего времени: математик, врач, инженер, физик и натурфилософ, занимавшийся астрологией и толкованием сновидений.

В автобиографической книге он благодарил судьбу: «Как на первое из удивительных в моей жизни явлений, хотя оно и не выходит за пределы естественного, следует указать на то, что я родился в том веке, когда был открыт весь земной шар, тогда как в древности не более одной его трети...

Есть что-либо более удивительное, чем пиротехника и человеческая молния, которая гораздо опаснее молнии небожителей? Не умолчу я и о тебе, великий магнит, о тебе, ведущий нас безбрежными морями в тёмные ночи во времена ужаснейших бурь в далёкие неведомые края! Прибавим к этому ещё четвёртое открытие – изобретение книгопечатания; созданное руками людей, придуманное их гением, оно соперничает с божественными чудесами».

Кардано проницательно отметил важнейшие достижения своего столетия, определившие развитие общества, науки, техники. Казалось бы, столь трезво мыслящего человека трудно заподозрить в психических отклонениях.

Чезаре Ломброзо так не считал. По его мнению, главные признаки ненормальности таких людей, как Джиrolамо Кардано, «выражаются в самом строении их устной и письменной речи, в нелогических выводах, в нелепых противоречиях и в уродливой фантастичности». Он сослался на Сократа, который, как настоящий сумасшедший, «руководствовался в своих поступках голосом и указами своего воображаемого гения или даже просто чиханием».

Но это был, судя по всему, внутренний голос, озарение, исходящее из подсознания, а не от воображаемого духа. Что касается чихания, то это могла быть шутка Сократа (с чиханием и у нас связаны некоторые шуточные приметы).

«А что сказать о Кардано, – продолжал Ломброзо, – о том самом, который упредил Ньютона в открытии законов тяготения... И в то же время объяснял участием какого-то Духа не только свои научные открытия, но даже треск доски у письменного стола и дрожание пера в своих руках!

Далее, чему кроме помешательства можно приписать его собственное признание, что он несколько раз бывал одержим бесом? И написанную им книгу “*О сновидениях*”, несомненно, свидетельствующую о ненормальном состоянии умственных способностей её автора? Сначала он высказывает в ней довольно верные наблюдения относительно того, что сильные физические страдания оказывают менее энергичное влияние на сновидения, чем лёгкие...; далее он указывает на то, что во сне, точно на театральной сцене, в короткий промежуток времени разыгрывается целая масса событий, и делает совершенно верное замечание, что предметом сновидений бывают случаи или аналогичные обычным представлениям человека, или совершенно противоположные им.

Но после стольких чисто гениальных черт Кардано вдруг начинает развивать самую нелепую теорию сновидений, высказывает взгляды, как будто заимствованные у невежественных простолюдинов, вроде того, например, что сны всегда служат предсказаниями будущего, более или менее отдалённого, а потом с полным убеждением составляет курьёзнейший словарь снов – совершеннейшее подобие тех “снотолкователей”, которыми утешается в часы досуга простой народ, эксплуатируемый разными невеждами».

Например: приснившийся отец означает встречу с сыном, мужем или начальником, лошадь означает бегство (интересно, что бы сказал Ломброзо про толкование снов по Фрейдю!). «Когда подумаешь, что такие абсурды высказывал врач, пользовавшийся извест-

ностью и сделавший немало научных открытий, то невольно проникаешься состраданием к бедному человеческому разуму!» Так заканчивает Ломброзо свой диагноз Кардано.

Что же это был за человек, одарённый многими талантами, проявивший свой ум и знания в нескольких науках, но, по мнению психиатра, демонстрировавший признаки безумия?

В автобиографии Кордано показал себя убеждённым астрологом, хотя как христианин мог бы это не афишировать:

«Я родился, а вернее, был извлечён из чрева матери с курчавыми чёрными волосами и без признаков жизни; меня привели в чувство лишь ванной из теплого вина, что для другого могло бы оказаться гибельным; но, тем не менее, я выжил...

Следует указать, что и Солнце, и обе зловещие планеты – и Венера, и Меркурий – находились в человеческих знаках, вследствие чего у меня и не обнаружилось отклонений от человеческого образа; а так как в асценденте был Юпитер и во всем гороскопе господствовала Венера, то у меня обнаружилось неправильности только в половых органах: случилось так, что я в возрасте от двадцати одного до тридцати одного года оказался неспособен к совокуплению с женщинами и часто горько оплакивал свою участь, завидуя судьбе других людей».

На мой взгляд, он нёс астрологическую чепуху, ибо зарабатывал составлением гороскопов и хотел показать серьёзность такого занятия. Его старший и не менее знаменитый современник Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), также слывший авторитетным астрологом, в частном письме признался другу: «О, как часто приходится читать о неодолимом могуществе магии, о чудодейственных астрологических таблицах... Но всё это оказывается пустым, надуманным и лживым, если принимать сказанное буквально... В нас самих, говорю я, скрыт тот таинственный делатель чудес».

Вот и Кардано обычно ссылался на свои природные наклонности и недостатки, а не на расположение планет в зодиаке: «Склонный по характеру не только ко всякому злу, но и ко всяческим порокам, за исключением честолюбия, я лучше всякого другого сознаю собственное своё несовершенство. Я сознаю, что среди моих пороков исключительным и крупным является тот, который заставляет меня не говорить ни о чём с таким удовольствием, как о том, что, как я знаю, окажется неприятным моим слушателям. И я сознательно и упорно коснею в этом.

Я нисколько не скрываю от себя, как много один этот недостаток доставил мне врагов, вот до чего велика сила природной наклонности при поддержке длительной привычки! С ранней юности я был также страстным игроком в шахматы. Предаваясь усердно игре в шахматы в течение почти сорока лет, я никогда не мог бы выразить в кратких словах, сколько ущерба без всякого за него возмещения причинили они моим домашним делам. Но ещё более шахмат повредили мне кости, игре в которые я даже обучил моих сыновей и делал нередко мой дом местом сборищ игроков».

Его жизненный путь был непрост. Он был побочным сыном юриста Фачио Кардано, часто болел, один раз едва не умер. С семи лет работал у отца как слуга, помогая носить бумаги и книги.

Отец занимался его обучением и привил любовь к чтению. Джироламо избрал профессию врача, учился на медицинских факультетах в университетах сначала в Павии, затем в Падуе. Занимался врачебной практикой, читал лекции по медицине. Увлёкся математикой, и в 1534 году стал профессором математики в Миланском университете.

В 30 лет он женился на Лючии Бондарени, которая была вдвое младше его. Она рано умерла, оставив ему дочь и двух сыновей. Как воспитатель Кардано оказался не на высоте: старшего сына, убившего свою жену, казнили, а младший сын стал азартным игроком (отчасти по примеру отца, у которого воровал деньги).

Возможно, желая укрепить свою славу астролога, Джироламо Кардано в 1570 году опубликовал гороскоп Иисуса Христа. Судя по этому гороскопу, Иисус Христос был обожаемым человеком. Кардано обвинили в ереси, посадили в тюрьму; ему пришлось вымаливать прощение у папы.

Согласно легенде, чтобы оправдать астрологическую дату своей смерти, Кардано в указанный день принял яд. В действительности он прожил три года после назначенного в собственном гороскопе срока.

Некоторые суждения Кардано о сновидениях были более или менее научно обоснованы. Известно, что порой бывают «пророческие сны», которые сбываются. В прежние времена, чтобы объяснить это, выдвигались фантастические гипотезы. Теперь известно, что в сновидениях проявляются интуитивные догадки, которые не воспринимал рассудок при бодрствовании под давлением текущих впечатлений и размышлений. По этой же причине о некоторых болезнях можно судить на основе сновидений.

Кардано не мог знать того, что выяснилось о сновидениях через три столетия. Он включил в своё сочинение приметы, устойчиво существующие в народе. И в этом был свой резон. Если люди верят, что, скажем, видеть во сне мясо – к несчастью, то подсознание может использовать этот образ в определённый момент. Хотя не исключено и то, что под влиянием приметы, явившейся во сне, человек совершит необдуманный поступок, если верит в магию сновидений.

Ломброзо находил в некоторых сочинениях Кардано признаки безумия, не принимая во внимание условия его времени и его занятия для заработка (работы по астрологии, сновидениям). Автобиография Кардано показывает, что это был человек ясного ума, умеющий анализировать свой характер:

«Желание увековечить своё имя возникло во мне столь же рано, сколь поздно я оказался в состоянии выполнить своё намерение. Я никогда не был жаден до блеска и почестей; напротив того, я презирал их и желал только, чтобы другие знали, что я такое, а не мечтал о том, чтобы всем было известно, каков я. Ожидая чего-то от будущего, я презирал настоящее. Если это моё намерение допускает какое-либо оправдание, то я скажу, что оно не имело другой цели, как пережить свой век».

Конечно, в периоды просветления даже сумасшедшие рассуждают логично. Некоторые виды шизофрении характерны для людей образованных и неглупых. Но Кардано вроде бы всегда рассуждал логично.

Вот правила, которые, по его мнению, помогали ему в жизни:

«В высшей степени внимательно относиться к использованию времени: и едучи верхом, и принимая пищу, и лёжа в постели, и бодрствуя, и беседа, я всегда что-нибудь обдумывал и соображал.

«Обращать на всё внимание и не считать, что в природе что-либо может происходить случайно; благодаря этому, если я и не нажил состояния, то гораздо более обогатился познанием тайн природы.

Если в сношениях с властью имущими или с лицами более высокого сословия, особенно заслуженными, кто-либо из них обращается с тобой дурно, будь с ним тем более вежлив и безукоризнен: во всём надо соблюдать спокойствие. Избегай той близости, что может тебя опозорить.

Насколько это было возможно, я не доверялся своей памяти, а старался всё записывать...

Серьёзному человеку свойственно подвигаться вперёд, не задерживаясь, прямо к цели; для этого необходимо очень много читать, проглатывая в какие-нибудь три дня по целому огромному тому; при этом необходимо пользоваться отметками, чтобы, пропуская давно известное и малополезное, выделять и отмечать особым значком тёмные и трудные места».

Кардано был азартным игроком в карты, кости и шахматы. Он рассказал о том, что в Венеции под праздник Рождества Богородицы проиграл много денег. И вдруг заметил, что карты хозяина дома, сенатора, были краплёные. Забыв о своём правиле соблюдать спокойствие (что с ним случалось нередко), он с кинжалом в руке бросился на сенатора, нанёс ему рану в лицо, забрал все деньги и убежал.

Скрываясь от возможного преследования, он ночью остутился и упал в море. Мимо проплывала лодка, в которую ему помогли забраться. Там, к изумлению своему и страху, Кардано увидел сенатора, которого недавно ранил. По словам Кардано, «он сам предложил мне надеть матросское платье, в котором я затем и доехал вместе с ним до Падуи».

Случай может показаться фантастическим. Но в нашей жизни порой случается нечто невероятное... Хотя к теории вероятностей, которую разрабатывал одним из первых Кардано, это не относится. Она имеет в виду события предполагаемые, а не свершившиеся и определяет лишь возможность, а не неизбежность.

В книге «Великое искусство, или О правах алгебры» Кардано привёл алгебраическое решение кубических уравнений. Формула получила его имя, но приоритет принадлежит Никколо Тарталье.

Одним из первых в Европе Кардано предполагал отрицательные корни уравнений; использовал мнимые величины. Занимаясь теорией рычагов и весов, предложил использовать шарнирный механизм, предназначенный для передачи вращения между пересекающимися осями. Карданная передача, которая используется во многих машинах и станках, носит его имя, хотя изобрёл её, возможно, Леонардо да Винчи.

В трактате «Книга об игре в кости», написанном в 1526 году и опубликованном 40 лет спустя, Кардано предпринял исследование по математической теории этой игры. Он отметил, что при небольшом числе игр количество реальных исследуемых событий может значительно отличаться от теоретических расчётов, но чем больше игр, тем общий результат ближе к расчётному.

В медицине он первый детально описал тиф, предложил проект переливания крови, предположил, что причиной инфекционных болезней являются мельчайшие живые существа, не видимые глазом.

Общение с «добрым духом» (так он называл демона Сократа), по его словам, наиболее часто происходило после 64 года жизни. Он испытывал сильное сердцебиение, головокружение, мелькание образов. Возможно, это было связано с недостаточным притоком крови к голове, переутомлением.

По словам философа И.И. Лапшина: «Хотя Кардан /Кардано/ и говорит, что демон помогал ему и в научном творчестве, и в житейских обстоятельствах, но сообщает нам от него лишь бессмысленные фразы».

Как мне представляется, если у Кардано были порой какие-то видения, галлюцинации слуха, это остаётся в области гаданий. Даже при некоторых суевериях и предрассудках, вполне нормальных для его времени (они стали патологией в наши дни), он не терял здравого смысла. Вот некоторые его высказывания:

- Друзья в несчастье подают помощь, льстецы – совет.
- Когда ты собираешься что-нибудь совершить, подумай о том, каково будет твоё положение после того, как ты это сделаешь, и в случае удачи, и при неудаче.
- Самое важное в человеческих делах – определить, на чём следует кончить предпринятое дело.
- Лучше пропустить сто вещей, о которых следовало сказать, чем сказать одну, о которой следовало умолчать.
- Не следует включать в книги такие предметы, которые не отвечают цели и не заслуживают быть прочитанными.

- Три условия больше всего меняют нравы человека: возраст, судьба и брак.

Последний афоризм хотелось бы уточнить: не всякого человека и не всегда. А судьбу во многом определяет сам человек.

Есть люди (возможно, большинство), старающиеся приспособливаться к меняющимся внешним обстоятельствам. Они подобны флюгеру, меняющему своё положение в зависимости от направления ветра. Но есть и такие, кто подобен компасу, имея неизменные нравственные и умственные ориентиры.

Первые могут преуспеть в политике. Но их духовное наследие скудное, а последствия их деятельности приносят больше вреда, чем пользы.

Роберт Гук (1635–1703)

Всемирно и всемерно прославленный Исаак Ньютон, если судить по некоторым публикациям, имел, как в драме Пушкина «Моцарт и Сальери», своего антипода, немало отравлявшего ему жизнь. Звали его – Роберт Гук.

На парадных портретах Ньютона мы видим солидного джентльмена. Достоверных изображений Роберта Гука не сохранилось. Есть только рисунок: худое лицо, длинный нос, тревожное выражение лица.

Его современник Ричард Уоллер писал: «Что касается его вида, то он был невзрачен, будучи чрезвычайно сгорбленным, хотя, как я слышал от него и от других, приблизительно до шестнадцатилетнего возраста он был стройным. С этого возраста он начал горбиться, к чему его привели постоянная работа на токарном станке и иные искривляющие тело упражнения, тем более что телом он был хилый и слабый...»

У него были серые глаза навывкате с острым умным взглядом в годы его молодости. У него был тонкий нос умеренной высоты и длины, средней величины рот с тонкой верхней губой, острый подбородок и высокий лоб; голова – средней величины...

Он обладал активной, беспокойной, неутомимой одарённостью почти до самого своего конца, и всегда, вплоть до своей смерти, он спал мало, редко ложился спать раньше двух, трёх или четырёх часов утра и ещё реже укладывался в кровать, зачастую продолжая свои занятия всю ночь и лишь позволяя себе днём немножко вздремнуть.

Характер его был меланхолический, недоверчивый и ревнивый, что с возрастом у него усиливалось. Вначале, когда он стал известен учёному миру, он подробно сообщал о своих философских открытиях и изобретениях до тех пор, пока некоторые случаи не сделали его предельно замкнутым и сдержанным. Он выставил в качестве причины сего то, что некоторые лица выдают его открытия за свои собственные, используя его намёки для совершенствования того, что сам он не успел ещё завершить».

Советский математик, механик, историк науки Алексей Николаевич Боголюбов в книге «Роберт Гук» (1984) отметил: «Очень много писалось о мелочности Гука, о его любви к спорам, о неуживчивости его характера, о его ревнивой боязни потерять свои идеи и свои изобретения, о его перманентных спорах с Ольденбургом, с Гюйгенсом, с Ньютоном, с которым он спорил о сущности света и с которым боролся за приоритет в нахождении закона всемирного тяготения».

Возникает образ личности желчной, склочной, вроде тех, кто считает себя непризнанным гением. В крайних формах своей мании они становятся пациентами психиатрических лечебниц.

Была у Гука странность, граничащая с помешательством и весьма опасная для здоровья: он испытывал на себе различные средства, которые считал лекарственными. Он часто жаловался на головные боли, бессонницу, шумы в голове, катар желудка. Не всегда можно понять, с чем были связаны его болезни; не исключено, что порой сказывалось его самолечение.

«И в этом случае, – писал А.Н. Боголюбов, – чувствуется научный подход; он ставит над собой эксперименты: приняв лекарство, он обычно описывает своё дальнейшее самочувствие. Он принимает внутрь железо, ртуть и все металлы, которые тогда можно было получить в растворах, а также алоэ, александрийский лист, ревеня, полынь, настойку опия, аммиачную соль, горькую соль, минеральные воды и т. п.

Так, в июле 1675 г. Гук узнал о лечении аммиачной солью. Через два дня он записывает: «В новом мире после нового лекарства». На следующий день он пишет: «Это действительно великое открытие физики, и я надеюсь, что оно растворит ту вязкую слизь, которая

так мучила меня в желудке и кишках. Бог благоприятствует”. И ещё через три недели: “С головой и с глазами всё хуже и хуже”.

Гук прожил 68 лет и половину из них был хроническим больным. Иногда его здоровье резко ухудшалось, так было, в частности, во второй половине 1672 г. В декабре он сообщает в дневнике о почти непрерывных головокружениях; принимает пилюли, ему пускают кровь. В 1673 г. наступает улучшение, но быстро сменяется ухудшением».

И этот человек посмел вступать в приоритетные споры с самим Ньютоном! Кто он такой? Откуда такое самомнение? Не был ли он просто психически больным?

Роберт Гук был, безусловно, личностью незаурядной. Об этом говорит уже то, что он был раньше Исаака Ньютона в числе первых членов Лондонского королевского общества (аналог Академии наук).

Родился он на острове Уайт (пролив Ла-Манш) в семье настоятеля церкви. Местные мужчины были преимущественно моряками, рыбаками, садоводами. Роберт был хилым, часто болел. Из-за плохого здоровья он не мог стать священником, как хотел отец. Любимым занятием ребёнка было сооружение моделей водяных и ветряных мельниц, механических игрушек.

Ему было 5 лет, когда началась буржуазная революция в Англии – вторая в мире после Нидерландской. В 1648 году умер отец Роберта, оставив сыну небольшое наследство. Юный Роберт уехал в Лондон и год был слугой-учеником знаменитого английского портретиста того времени голландца Питера Лели. Научился хорошо рисовать. Но, по его словам, ему не нравился запах красок.

Он поступил в Вестминстерскую школу, где увлёкся математикой, прочёл труды Евклида и Декарта, Френсиса Бэкона, овладел греческим, латинским и древнееврейским языками, научился играть на органе. Затем он учился в Оксфордском колледже, где пел в церковном хоре.

Гук не только стремился к познанию природы, но и выделялся знаниями среди сверстников. Его взял своим ассистентом врач, анатом и ятрохимик (от греческого «ятрос» – врач) Томас Уиллис (с 1660 года – профессор философии Оксфордского университета). Между прочим, он изобрёл настойку опиума, которую использовал для лечения многих болезней, а прежде всего как средство, вызывающее здоровый сон. Но не рекомендовал бесконтрольный приём этого препарата, привыкание к которому уже само вызывает болезнь. По его словам, ангельское личико опиума соблазнительно, но оно может превратиться в лицо дьявола.

Если Гук у Питера Лели овладел ремеслом рисовальщика и гравёра, то у Томаса Уиллиса научился проводить биологические исследования и, возможно, познакомился с примитивным микроскопом, который ему позже довелось усовершенствовать.

Судьбоносным, как говорится, стал переход Гука к состоятельному графу, натуралисту и теологу Роберту Бойлю. С этого времени начали разгораться на научном небосклоне две звезды двух Робертов: Бойля и Гука.

Ирландец Роберт Бойль (1627–1691) окончил Итонский колледж, был общительным без сословных предрассудков, путешествовал по Западной Европе со старшим братом и воспитателем, посещая университеты. Переехав в Оксфорд, основал химическую лабораторию, где проводил многочисленные опыты. Он стал одним из основоположников экспериментальной химии (не без помощи Роберта Гука).

«Я смотрю на химию, – писал Бойль, – не как врач, не как алхимик, а как должен смотреть на неё философ. Если бы люди принимали успехи истинной науки ближе к сердцу, нежели свои личные интересы, тогда можно было бы доказать им, что они оказывали бы миру величайшие услуги, если бы посвятили все свои силы производству опытов, собиранию наблюдений и не устраивали бы никаких теорий, не проверивши предварительно их справедливости путём опыта».

Он не соглашался со Спинозой, считавшим истинным только логические доказательства, а опыт – лишь подтверждением теории. (Хотя логические доводы могут стать основой гипотез, которые подтверждаются или опровергаются опытным путём.)

Тем не менее в книге «Химик-скептик, или Сомнения и парадоксы физико-химии...» (1661) Бойль логически обосновал гипотезу строения вещества, согласно которой свойства материальных тел определяются количеством, расположением и движением первичных частиц (это можно считать предвидением химических элементов). Число их он предполагал значительным, в отличие от атомов Демокрита, четырёх элементов Аристотеля, пяти стихий алхимиков.

Историк химии М. Джуа писал: «В истории науки редко встречаются такие мыслители, как Роберт Бойль, в котором выдающаяся способность к аналитическому мышлению сочеталась с даром наблюдательности и искусством экспериментатора».

Последним своим искусством Бойль во многом был обязан Гуку, который усовершенствовал воздушный насос. Когда прекратилось их сотрудничество, Бойль как экспериментатор ничем себя не проявил.

Для Гука было лестно и полезно сотрудничать со столь образованным и увлечённым научными экспериментами джентльменом. Но и Бойль, как быстро выяснилось, приобрёл не только друга и помощника, но и талантливого соавтора.

В 1658 году Гук построил наиболее совершенный для своего времени воздушный насос. Развивая и продолжая эксперименты немецкого физика Отто Герике, Бойль и Гук проводили опыты, изучая свойства воздуха.

Результаты этих работ представил Роберт Бойль в трактате «Новые физико-химические эксперименты, относящиеся к упругости воздуха и его эффектов. Произведены по большей части на новой пневматической машине» (1660). Было доказано, что воздух обладает упругостью, что звук не распространяется в пустоте (в безвоздушном пространстве), что для горения необходим газ, входящий в состав воздуха.

Это исследование раскритиковал философ Томас Гоббс. Он не придавал большого значения экспериментам, предпочитая логику здравого смысла. По его мнению, абсурдные заключения возникают по той причине, «что имена *акциденций* (случайных качеств. – Р.Б.) тел, *расположенных вне нас*, даются *акциденциям* наших *собственных* тел, как это делают те, кто говорит: ...звук находится в воздухе».

В отличие от него, О. Герике утверждал: «Философы, которые держатся исключительно своих умозаключений и аргументов, не учитывая опыта, никогда не придут к надёжным и правильным выводам относительно явлений внешнего мира». И был прав.

Другой аргумент против выводов Бойля выставил французский физик Ф. Линус, не признававший у воздуха такого качества, как упругость, и возражавшего против гипотезы существования пустого пространства.

В то время под пустотой подразумевалось пространство идеальное, где нет буквально ничего, что не согласуется с логикой, как показал ещё Архимед. Но в опытах Бойля и Гука пустотой следовало считать максимально разряжённое воздушное пространство.

Ответом на критику стал мемуар Бойля «Защита доктрины, относящейся к упругости и весу воздуха» (1662). В нём был сформулирован вывод, сделанный на основе экспериментов: «сопротивление сжатию /воздуха/ удваивается с удвоением давления. В современном изложении: объём газа меняется пропорционально давлению при прочих постоянных параметрах. Бойль подчеркнул, что первым отметил эту закономерность его ассистент Роберт Гук.

В дневнике Гука была запись о том, что упругость воздуха находится в обратном отношении к объёму. Как справедливо утверждал А.Н. Боголюбов: «Закон Бойля-Мариотта, в

сущности, является законом Гука, тем более что он лежит в основе всех работ последнего в этой области».

Французский физик аббат Эдам Мариотт открыл этот закон через 15 лет после Гука. Однако в истории науки, в учебниках физики по-прежнему речь идёт о законе Бойля-Мариотта. Пример несправедливости в науке – самой объективной области культуры.

Отчасти Роберту Гуку просто не повезло. Он не позаботился заявить о своём приоритете, возможно, потому, что в то время был никому не известным ассистентом Роберта Бойля.

Но как же историки науки? Они-то могли восстановить справедливость! Увы, на них тоже воздействует магия авторитетов. Скажем, всем известен Роберт Бойль (вполне этого заслуживающий), а более талантливый и разносторонний учёный, изобретатель Роберт Гук остаётся в тени. Во многом этому способствовал... Исаак Ньютон!

Именно он сделал всё, что мог, для замалчивания достижений Роберта Гука. Таких возможностей у Ньютона – с 1703 года и до конца жизни состоявшего председателем Королевского общества – было предостаточно. Он даже распорядился о том, чтобы убрали портрет ненавистного ему Гука.

Получается, что в образе пушкинского Моцарта в истории знаний выступил малоизвестный Роберт Гук, а коварным Сальери предстаёт прославленный Исаак Ньютон. Хотя в жизни не так всё обострено, как в художественном сочинении, но определённая аналогия существует.

В молодости Роберт Гук, судя по вполне правдоподобному предположению его биографа Джеффри Кейна, написал фантастический рассказ «Новая Атлантида. Начата лордом Веруламским, виконтом Ст. Элбанс, продолжена Р.Г. Эксвайром» (Лондон, 1660), изданный анонимно.

Работу Френсиса Бэкона, лорда Веруламского, над утопией «Новая Атлантида» прервала смерть. Последняя фраза: «Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают».

Этот Соломонов дом – умственный и деловой центр утопической Новой Атлантиды. У Бэкона достижения этого дома порой представлены в виде, достойном лапутянской академии Джонатана Свифта. Один из отцов Соломонова дома рассказывает:

«Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем различные явления природы ... а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других...»

Нам известны способы выращивания различных растений без семян, одним только смешением почв...»

А вот откуда взял Свифт образ мудреца, добывающего свет из огурца: «Мы открыли также, – говорит отец Соломонова дома, – различные, ещё неизвестные у вас способы получать свет из различных тел».

Впрочем, подобные казусы были вполне естественны для того времени (начала XVII века). Более существенно, что Бэкон в своих «Опытах» писал о научном познании, вдохновляя многих исследователей, включая Гука:

«Наука совершенствует природу, но сама совершенствуется опытом; ибо врождённые дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью учёных занятий... Люди хитроумные презирают учёность, простодушные дивятся ей, мудрые ею пользуются; ибо сама по себе учёность не научает, как применять её; на то есть мудрость особая, высшая, которую приобрести можно только опытом.

Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать; не затем, чтобы принимать на веру; и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать. Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить».

По мнению Джеффри Кейна: «Нет ничего такого, что не мог бы написать Гук, но есть много точек подобия... между планом “Новой Атлантиды” и взглядами Гука, известными по другим источникам, в особенности с его энтузиазмом в те годы по поводу сотрудничества науки и литературы. Гук имел чрезвычайно живой ум и прекрасное образование; в 1660 г. ему было двадцать пять лет и... он готовился к публикации в следующем году остроумного научного трактата “Попытка пояснения... сделанная Р. Г.” Он глубоко восхищался Бэконом. В письме лорду Броункеру он писал в 1672 году: “Я считаю, что нет иной вещи, которая так значительно ведёт к прогрессу философии, как исследование гипотез с помощью экспериментов и планирование экспериментов гипотезами. В этом меня поддерживает авторитет несравненного Верулама”».

В продолжении «Новой Атлантиды» деятель Соломонова дома демонстрирует «селеноскоп для наблюдения Луны, звёзд и новых планет и редкий микроскоп, в котором легко рассматривать глаза, ноги, рот, волосы и яйца сырного клеща, а также кровь, текущую в жилах вши».

Это уже напрямую наводит на авторство Гука, ибо он исследовал под сооружённым им микроскопом сырного клеща и вши, а также изобрёл телескоп (селеноскоп) оригинальной конструкции. Почему же он позже не проявил себя на литературном поприще?

Когда узнаёшь, сколько было сделано Гуком в последующие годы, этот вопрос отпадает сам собой. С 1657 года он изобретал и создавал приборы для научных исследований и активно участвовал в проведении экспериментов. В том же году он изобрёл пружинный привод карманных часов, а на следующий год – воздушный насос.

Он изобрёл универсальный шарнир. «Этот тип шарнира, – писал А.Н. Боголюбов, – давал возможность передавать вращательное движение между двумя осями, расположенными в различных плоскостях. Современный универсальный шарнир ведёт своё происхождение именно от шарнира Гука, детально описанного изобретателем, а не от механизма Кардано, как иногда предполагают».

В 1662 году Оксфордский университет присвоил Роберту Гуку степень магистра искусств (тогда к искусствам относили изобретательство, ремёсла). Его назначили куратором экспериментов Королевского общества.

В 1663 году Гук написал основной текст устава Королевского общества и был избран его членом. С этого времени начинается его активная работа в этой научной организации. Он постоянно что-то изобретал, проводил опыты и сообщал об этом на заседаниях академии.

После изучения различных объектов под микроскопом, а также в телескоп он издал книгу «МИКРОГРАФИЯ: или некоторые физиологические исследования мельчайших тел через увеличительные стёкла...» (1665). В ней описаны 57 экспериментов с использованием микроскопа и три астрономических наблюдения в телескоп. Особо следует отметить великолепные гравюры, выполненные автором. Как писал А.Н. Боголюбов:

«Иллюстрации, выполненные и гравированные самим Гуком на 32 таблицах, были выдающимся явлением не только для своего времени: их воспроизводили в руководствах по естественной истории вплоть до XIX века. Позже даже Левенгук не сумел сделать ничего подобного».

Пользуясь случаем, приведу фрагмент из стихотворения Николая Заболоцкого 1948 года:

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено —
В этом мире чудесных творений
Столь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

Хотелось бы написать нечто подобное, начав: «В “Микрографии” Роберта Гука...»

Конечно, нельзя умалять достижений нидерландского натуралиста Антонина ван Левенгука (1632–1723), который в свободное от муниципальной службы время занимался шлифованием увеличительных стёкол (подобно Гуку) и сделал линзы с 300-кратным увеличением.

С 1673 года, значительно позже Гука, он сообщал в письмах Лондонскому королевскому обществу о результатах своих наблюдений. Он первым наблюдал и зарисовал сперматозоиды человека и животных, красные кровяные тельца (эритроциты), различные клетки животных и растений, строение мелких насекомых.

Но всё-таки первым открыл мозаичное строение растений Роберт Гук и по аналогии с клетками животных (по другой версии – с кельями монахов) назвал эти частицы живой ткани клетками. Этот термин прочно вошёл в научный лексикон.

Роберта Гука глубоко интересовала жизнь природы во всех её проявлениях. Слова Заболоцкого «равно бесконечно просторы / Для микробов, людей и планет» следует отнести не к Левенгуку, а к Гуку. Ведь в своей книге он представил и макроскопические наблюдения небесных тел, а также предположил гипотезу волновой природы света. Указал, что «тепло является свойством тела, возникающим от движения или колебания его частей», отрицая гипотезу горюче-летучего «флогистона». Он сравнил горение с дыханием, утверждая, что воздух при этом теряет свою часть.

До него микроскописты представляли свои наблюдения как занимательное зрелище, курьёз, в лучшем случае давая описание отдельных малых объектов природы. Роберт Гук, по-видимому, первым превратил микроскоп в мощное средство научных исследований не только в биологии, но и в физике. Наблюдая тонкие прозрачные пластинки, он размышлял о свойствах и сущности света. По его гипотезе, свет состоит «из потока биений, исходящих из источника», т. е. представляет собой чрезвычайно быструю вибрацию.

Гук раньше Христиана Гюйгенса предложил гипотезу волновой природы света, исходя из аналогии с распространением звука. Однако разрабатывать свою идею не стал. Чрезвычайно высокую скорость световых волн Гюйгенс в «Трактате о свете» (1690) объяснил свойством особой тончайшей среды – эфира – с высокой твёрдостью и упругостью. Как писал он: «Нам нет надобности исследовать... причины этой твёрдости и упругости, так как рассмотрение их завлекло бы нас слишком далеко от нашего предмета».

Даже в наши дни остаётся во многом неразработанной теория такого эфира (ныне называемого физическим или космическим вакуумом). Это связано отчасти с тем, что А. Эйнштейн вслед за Ньютоном представил свет потоком корпускул, фотонов.

Возможно, кому-то покажется излишним в очерке о Гуке упоминания о научных проблемах, гипотезах и теориях учёных. Но мне хотелось бы показать, насколько это возможно, как трудно определять научные приоритеты, оценивать достижения разных исследователей. Движение научной мысли и развитие техники идут в масштабе цивилиза-

ции сложными потоками, переходя из страны в страну, нередко во взаимосвязях и противоречиях.

«Микрографией» Гука заинтересовался Ньютон. Сделал выписки из этой книги (и свои замечания), в одном из своих писем Гуку высоко её оценив. На заседании Королевского общества в 1672 году Ньютон предоставил свой мемуар «Новая теория света и цветов». Он предложил корпускулярную природу света, чем вызвал возражения Гука.

С этого времени начались между ними конфликты. Дело дошло до того, что в своей монографии «Оптика» (1704), не случайно изданной через год после смерти Гука, Ньютон умолчал об экспериментах и выводах старшего коллеги.

В своих оптических опытах Гук прижимал к плоскому стеклу линзу и наблюдал возникающее чередование светлых и тёмных колец. Затем эти опыты проделал Ньютон, но объяснить их не смог. Сделал это английский физик Томас Юнг, исходя из волновой теории света. Тем не менее в физике укоренилось понятие «кольца Ньютона», хотя честнее было бы называть их именами Гука, Юнга или их вместе.

Пожалуй, сказалось то, что «Оптика» Ньютона была переведена на латинский язык и много раз переиздавалась. У Ньютона были друзья, которые верили в его талант (что справедливо) и распространяли его сочинения. Сказывалась и национальная гордость англичан.

Не вдаваясь в детали спора двух учёных, отметим, что Ньютон предложил компромиссный вариант: материальные носители света вызывают волны в пространстве эфира, подобно тому, как вызывают волны тела, брошенные в воду.

Научные разногласия между двумя великими учёными усугубились личной неприязнью. Есть мнение, что ставшее крылатым высказывание Ньютона в письме Гука – «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» – скрывает язвительный намёк на хилое сложение и сутулость Гука, которого нельзя причислить к великанам.

Но, может быть, намёка не было? Ведь и Ньютон был невысок, а его афоризм безукоризненно верен.

И Гук, и Ньютон верили в существование эфира, который физики в начале XX века попытались отменить. Однако пришлось его вернуть, хотя и под именем физического (космического) вакуума. В этом отношении Гук и Ньютон были оба правы.

Проблема, сохранившаяся доныне: свет – система волн или корпускул? В XX веке эту дилемму решили странным способом, предположив дуализм волна-частица. Такой кентавр выглядит надуманным, научно-мифологической фигурой. Возможно, вернее было бы считать, что волна в некоторых случаях может приобретать свойство корпускулы, подобно тому, как порой возникает таранная волна цунами.

У Гука и Ньютона возник конфликт ещё из-за приоритета в открытии закона всемирного тяготения.

В марте 1666 года на заседании Королевского общества Гук сказал: «Представляется, что тяготение является одним из наиболее общих действующих принципов мира... и Кеплер не без достаточного основания утверждает его как свойство, присущее всем небесным телам, Солнцу, звёздам, планетам. Это предположение мы впоследствии рассмотрим более подробно, но сперва было бы необходимо обсудить, не присуща ли эта тяготительная или притяжательная сила частям земли...»

Если она магнетична, то любое тело, притянутое ею, должно больше тяготеть вблизи её поверхности, чем дальше от неё».

Через два месяца Гук предположил две возможные причины криволинейного движения планет Солнечной системы. В первом случае может сказаться «неравномерная плот-

ность среды», эфира. «Вторая причина изгибания прямолинейного движения в криволинейное, по-видимому, происходит от притягивающего свойства тела, расположенного в центре, причём оно непрерывно стремится притягивать к себе. Ибо если сделать такое предположение, легко становятся объяснимы все феномены планет с помощью общих принципов механического движения».

По его словам, траектории планет определяются сочетанием двух движений: прямолинейного и направленного к центральному, более тяжёлому телу. Он утверждал, что к центру Земли «направлены все линии тяготения», а в 1680 году высказал мысль, что «притяжение всегда действует в отношении, обратном квадрату расстояния».

Он предложил Ньютону доказать обратный квадратичный закон тяготения, но ответа не получил. По словам С.И. Вавилова: «Если связать в одно все предположения и мысли Гука о движении планет и тяготении за почти 20 лет, то мы встретим почти все главные выводы “Начал” Ньютона, только высказанные в неуверенной и малоубедительной форме... У Гука была гениальная догадка физика-экспериментатора, прозревающего в лабиринте фактов истинные соотношения и законы природы».

Увы, Ньютон проявил и коварство. Он, как пишет А.Н. Боголюбов, «отметил в “Началах”, что Рен и Галлей сделали ровно столько же, сколько и Гук. И хотя это была неправда (что прекрасно знал и сам Ньютон), но, несомненно, немало польстило самолюбию как Рена, так и Галлея. Ход Ньютона был, несомненно, умным: кольцо друзей Гука было разомкнуто в необходимом месте».

Что же важнее: гипотеза, оказавшаяся верной, или созданная на её основе теория? Пожалуй, обе одинаково важны. Без исходной мысли не появится теория, а без теории эта мысль не будет надёжно обоснована.

Естественна обида Гука. У Ньютона была своя правота. Достаточно просмотреть его «Математические начала натуральной философии», чтобы оценить усилия, затраченные для доказательства множества теорем, решения многих задач. Намекая на свой труд, он написал Э. Галлею, что для Гука математики «не что иное, как лишь сухие вычислители и вьючные ослы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.